

Генри Маштоц

АНДА.МЕНТАЛ

18+

Генри Маштоц
Фанда.Ментал

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Маштоц Г.

Фанда.Ментал / Г. Маштоц — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Успешен, красив, умен и наслаждается жизнью изысканной Вены — это он. Загадочные, странные, родные — это люди, которые его окружают. Невидимые, всемогущие, беспристрастные — это архитекторы мира и человеческих судеб, которые решают ему помочь. И он становится жертвой их эксперимента, который кардинально меняет его жизнь и переворачивает с ног на голову представления о себе и мире. В поисках своей семьи и своего предназначения он отправляется в трудное экзистенциальное путешествие на фоне слетающего с катушек и постепенно разрушающегося мира. В чем новый смысл и основа счастья? И какова цена ошибок богов?

Содержание

I	6
II	12
III	17
IV	21
V	26
VI	32
VII	36
VIII	39
IX	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Фанда – это основа, это идея, это дно.
Ментал – это фанда, познавшая смысл.**

I

Экстравагантный, уникальный, отделанный белым мрамором и украшенный изысканными хрустальными люстрами – зал Розенкавальер во дворце Ауэрсперг покорял сердце с первого взгляда. В этом зале всегда было много света. Он усиливал блеск внутреннего убранства и благородно оттенял светский облик присутствующих гостей. Кругом блестели и переливались драгоценные камни на украшениях дам, элегантно подчеркивая или их молодость, или солидные годы. Мужчины радушно приветствовали знакомых и почтительно улыбались остальным.

Зал был заполнен ровными рядами стульев, расставленных поодаль от черного рояля. Гости занимали свои места. Этот вечер классической музыки был событием, который предвкушали многие почитатели гастролирующего пианиста. Айк Арсени был в центре внимания, все взгляды были прикованы лишь к нему, уже известному в музыкальных кругах пианисту и композитору. На концерт были приглашены близкие друзья, поклонники и представители того бомонда, в котором музыку ценят не меньше, чем роскошный и утонченный образ жизни. Во втором ряду, ближе к середине, сидел Берно – высокий, стройный, обожающий фортепианную музыку доктор философии, любезно получивший приглашение от своего спешно покинувшего город занятого товарища. И вот теперь, сидя в зале, Берно ощущал прилив возвышенных чувств, вызванных музыкой, трогавшей его тоскливую и меланхоличную натуру. Страхи, огорчения, повседневные заботы, порой окрашенные в темные тона, с первых же нот бесследно растворялись, а душевные сосуды наполнялись добрыми образами. Берно искренне любил эту публику за то, что она, как некий целостный организм, чуткий и внимательный, создавала фон из тонкой энергии, мысленно соединялась с музыкантом и сохраняла тишину, не издавая ни единого звука. Внутри зала доносились лишь отдаленные звуки дождя, создавая легкий фон для звучащей музыки. Оглядываясь временами на гостей, Берно замечал благоговение и напряжение на их лицах, что вызывало у него необъяснимую улыбку и радость. На лицах высокопочтенных господ и элегантных дам читалось наслаждение, и Берно ощущал единение с ними и одновременно несравненное эстетическое удовольствие, схожее с неким интеллектуальным взрывом. Программа выступления состояла из нескольких сонат Шуберта и Скарлатти, гармонично вписываясь в настроение дождливого вечера за окнами дворца. Романтичное и легкое исполнение наполнило этот шикарный зал тонкой грацией звука и отголосками мыслей великих композиторов.

Концерт продлился чуть менее двух часов. Едва слышимым пианиссимо музыкант нажал на клавишу и, продержав ее до момента полного растворения звука в пространстве, отпустил. В зале повисла тишина. Гости синхронно проследили за руками музыканта, медленно опустившимися на колени. Зал взорвался аплодисментами. Послышались первые «браво», фейерверком вылетающие из разных частей зала. Аплодисменты перешли в овацию и не стихали еще несколько минут, накрывая пианиста лавиной эмоций и нескрываемого восхищения. Не увидев на стульях, публика рукоплескала стоя.

Вскоре, когда овации стихли, гости вечера принялись бурно переговариваться друг с другом, делиться впечатлениями, а некоторые окружили пианиста, и на их лицах читались эпитеты, которыми они щедро одаривали музыканта. Атмосфера была и по-домашнему уютной, и торжественной. Берно громко аплодировал, но поделиться впечатлениями ему было не с кем, потому что он прибыл на концерт в одиночку, без жены, оставшейся дома из-за неважного самочувствия. От этого Берно ощущал некоторую неловкость и сожалел об упущенной ею возможности провести вместе с ним этот чудесный вечер. После того как овации стихли, гости неспешно разбрелись по залу. Берно расхаживал среди них, с интересом рассматривая интерьер зала и низко свисающие люстры. К нему подошел официант с подносом и предложил

бокал прохладного вина. После нескольких глотков Берно ощутил первые признаки подступающей раскованности. Покинув зал и пройдя в противоположный холл, Берно подошел к высоким распахивающимся дверям. Направив взор сквозь стекла, он стал осматривать чудесный парк, расположенный во дворе. В тот же миг пара официантов, словно уловив желание гостя, распахнули двери, и в помещение проник приятный и свежий воздух. Теплый и влажный после прошедшего дождя, он приятно освежил лица и разгорячил интонации. Берно вышел наружу и глубоко вдохнул. Мокрая земля легко пружинила под ногами. Берно закурил и, прогуливаясь, все дальше отдалялся от дворца. Обернувшись, он увидел, что большая часть гостей, неспешно общаясь за бокалами вина, вышла из зала.

– Вам понравился концерт? – неожиданно послышался женский голос.

Берно повернулся и увидел перед собой молодую леди.

– Чудесно! – ответил он, подправляя смокинг и выдохнув сигаретный дым.

– Что вам более всего запомнилось из выступления?

– Трудно выделить что-то одно, репертуар мне в целом показался довольно тонко подобранным, – ответил Берно, с трудом удерживая себя от осмотра незнакомки в коротком вечернем платье. Ее широкие светлые локоны, лежащие на плечах, большие внимательные глаза приковали внимание Берно.

– А я думаю, что мое сердце целиком и полностью принадлежит сонате Скарлатти до мажор. Он ее играл в самом начале.

– Признаюсь, не смогу идентифицировать их по тональности. А после такого феерического окончания концерта, признаюсь, я и вовсе не вспомню первое сочинение, – поправляя волосы, ответил Берно.

– Та тарарара трель, та тарарара трель,¹ – внезапно и без стеснения напела девушка, вызвав у Берно умиление.

– Да, конечно, теперь я вспомнил. Это было восхитительно!

– Махсом! – представилась девушка и протянула руку.

– Матиас Хель, – солгал Берно, не очень понимая, зачем. – Вы одна?

– Нет, со мной мой отец, его дурная жена и еще пара нудных господ! – улыбка исчезла с лица прелестной девушки.

– Вы не очень-то ее любите?

– Да! Она черствая и расчетливая. Целыми днями она лишь пьет и слушает Баха, – с грустью поделилась Махсом. – Моя настоящая мать, Николь, она француженка, живет далеко от нас. А я живу в огромных апартаментах с отцом и его женой. В них так пусто и одиноко.

Берно молча сделал глоток, полагая что невольное откровение перейдет в более формальное общение. Махсом молчала и глядела вдаль.

– Простите.

– Махсом, все в порядке. Плакать я вам не разрешу! – отшутился Берно, поймав себя на мысли, что более утонченного и прекрасного лица, чем-то, что было напротив, он в жизни не видел. Ему страстно захотелось обнять это создание и поцеловать ее алые губы.

– А вы?

– Что я?

– С кем вы?

– Я один.

– Я понимаю...Ммм...Что ж, надеюсь, нам удастся еще не раз послушать этого музыканта.

– Да, но думаю, скорее это будет где-то в Детройте или Лондоне.

– Почему вы так думаете?

¹ Scarlatti D. Piano Sonata in C, kk. 132.

- Он не скоро вернется в Вену – говорят, предстоит очень длинный тур.
- Вы играете?
- К сожалению, нет. Но готов научиться, если это доставит вам удовольствие.
- Вам однозначно придется долго учиться.
- Мне чужд талант или у вас слишком взыскательный вкус?
- Скорее второе, Матиас. Но для начала удовольствие может доставить легкая прогулка.

Пройдемся?

- Отличное предложение, – откликнулся Берно на приглашение.
- Скажите, вы ощущаете этот мир как единую мировую душу?
- Ох, неожиданный философский поворот.
- Если вы желаете поговорить о чем-то другом...
- ...Нет, нет, что вы, это чудесный вопрос. Я бы сказал, что мир я рассматриваю и как чистую материю, и как мировую душу, как ее составляющую. Я ощущаю, что мир обладает чувствами, неким подобием характера. Он вершит суд, карает, и, конечно, обладает своей логикой в том, как развивается и живет.

– Ваши взгляды близки к платоновским. И в чем заключается кара?

– В постоянном обновлении мира, которое невозможно без жертв и трагедий. Иногда это реакция мира на нас, на нашу алчность, – поделился Берно. – А как вы думаете?

– Мне рано делать какие-либо выводы или умозаключения. Я лишь знаю, что являюсь частью мировой души, и пока мы в диалоге с ней, значит, мы можем быть полезны друг другу.

– В диалоге?

– Да. Понимаете, когда моя душа скорбит, значит, моя скорбь передается и мировой душе, хоть и соразмерно той бесконечно малой части, какую моя душа занимает, – рассудила Махсом, вглядываясь в глаза собеседника. – И когда скорбит мировая душа, я ощущаю это и на себе.

– Лишь скорбь?

– Нет, что вы! То же самое я могу сказать и про радость, тревогу и сотню других состояний души. Мировая душа выступает как некая мембрана, зеркало, посредством которого у людей связаны души, и они могут чувствовать мысли и эмоции, передаваемые из любой точки мира.

– Впечатляюще! – сдержанно произнес Берно. – Ваши глаза, они настолько умны и настолько красивы!

– Спасибо.

– Где вы учитесь? – после некоторой паузы спросил Берно.

– В техническом университете. Факультет гражданского строительства.

– Значит, пока строительство в нашем городе будет в ваших руках, я могу быть спокоен за облик моего города.

Махсом засмеялась и робко поправила волосы. Остановив шаг, она повернулась лицом к Берно.

– Даже не знаю, я так смущена от ваших хвалебных слов или от нашего знакомства?..

– Как бы то ни было ваше смущение словно тюрьма, вино и полотно Рубенса.

– Почему? – удивилась Махсом, взмахнув ресницами.

– Пленительное, пьянящее, поразительное.

– Скорее постыдное, переоцененное и... и... Не могу ничего возразить против Рубенса!

Да, поразительное! – рассмеялась Махсом, заразив смехом и Берно.

– Вы прелестны. Ваше смущение и смех – все прелестно!

– Прошу, не надо. Может, нам стоит вернуться?

Берно молча кивнул. Развернувшись, они продолжили свою неспешную прогулку, наступая на свои же, все еще свежие, следы.

– Скажите, что вы любите больше? Саму мысль или ее следствие? – после недолгой паузы продолжила Махсом.

– Если мысль возбуждает приятное желание, то я благодарен за мысль, а наслаждаюсь следствием.

– Вам доподлинно известно, что эта мысль приятная? Быть может, она убивает вас или других? – подойдя чуть ближе, прошептала Махсом, отчего Берно учуял приятный запах ее духов.

– Может быть. Но я не хочу думать о других, – ответил Берно, глаза которого игриво заблестели. – Вы будете думать обо мне?

– И не только о вас. Еще и о мировой душе.

– И посылать ей через свою душу доброту и покой?

– У меня подозрения, что еще и любовь.

Махсом вглядывалась в лицо Берно огромными голубыми глазами, пленяя его с каждой секундой все сильнее и сильнее. Ее руки, до сих пор спокойно опущенные вдоль бедер, стали кокетливо тереть локон волос. Махсом отвела взгляд и отошла в сторону.

– Мы получаем так мало света, Матиас. Мы наслаждаемся лишь крохотной частью того, что можем ощущать. Лишь бы чуточку больше желания... – многозначительно произнесла Махсом, вглядывая то на небо, то куда-то вдаль.

– Может, так и должно быть. Как с озоновым слоем, без которого мы не выжили бы, – нас поджег бы свет, убил бы радиацией.

– Вы заблуждаетесь, пытаюсь найти взаимосвязь между одним и другим.

– Смею поверить вам на слово. Только кто же вы, раз уверены в вещах, которые вызывают чаще всего массу споров?

– Сокрытие должно возбуждать желание раскрытия, я полагаю? – лукаво ответила Махсом, натянуто улыбнувшись.

– Я уверен, вы это сказали, лишь из желания окутать все еще большей тайной. Хотя услышав мой вопрос, вы, могу поспорить, подумали о моем неприкрытом эгоизме, о желании насладиться ответом из любопытства. Скажем так: светом без усилий, в его естественном виде!

– Вы определенно понимаете меня, – в глазах Махсом читался нескрываемый женский интерес. Берно хотелось думать, что это легкая влюбленность.

– Я стараюсь! Хотя мои старания и ограничены короткой первой и последней встречей.

– Не стоит недооценивать его величество случай. В мире столько всего волшебного, Берно! Вы даже не представляете, насколько...

– Простите, как вы меня назвали? – прервал Берно, ощутив укол в сердце.

– Берно... О... Простите, Матиас! Так звали моего близкого друга. Я часто называю его имя, оно глубоко осело в моей памяти. Он был редким человеком, – занервничала Махсом. – Он умер от тяжелой болезни.

– Я сожалею, – выдавил Берно, ощущая легкое опьянение и некий ступор.

– С тех пор уехала и моя мать, оставив меня наедине с горем и Бахом, – засмеялась Махсом, демонстрируя не чуждое ей чувство юмора.

– Но Бах прекрасен!

– Да, я знаю. Но, к сожалению, его музыка стала не лучшей ассоциацией.

– Не сожалейте ни о чем. Живите дальше и будьте счастливы. Посмотрите, где мы находимся! Разве не это жизнь?

– Вы знаете, мой друг Берно говорил точно так же.

– Жаль, я не смогу познакомиться с ним.

– Да, жаль. Но не будем о грустном. Наши бокалы опустели.

– Подождите, я принесу сейчас еще.

– Не стоит, Матиас. Мне было очень приятно поговорить с вами, но мне пора – неожиданно отказалась Махсом, сделав несколько шагов по направлению к дворцу, но обернулась и, не прерывая шага, торжественно добавила:

– Вы потревожили мое сердце и я вас с радостью пускаю в него!

Грациозную походку Махсом несколько расшатывала влажная и неровная земля, но даже при этом она казалась порхающей. Берно почувствовал, как у него все сжалось внутри, – никого еще так сильно не хотелось отпускать.

– Куда же вы?! Мы еще увидимся?

– Конечно! Прощайте!

Махсом торопливо пошагала дальше. Основная группа изрядно поредевших слушателей все еще стояла у самого выхода из зала. Оттуда доносился смех и любезная уху немецкая речь. Глядя вслед незнакомке, Берно ощущал легкое замешательство и растерянность от ее слов. Было стойкое чувство словно внутри что-то надломилось, изменилось, окрасило душу новыми красками, которые не стереть никогда. Берно убеждал себя, что ничего особенного не произошло, но не мог избавиться от ощущения легкой влюбленности и бурлящего предвкушения. Оно было безликим, не указывающим на что-то конкретное, но обещало что-то, что порой казалось отстраненным и незнакомым, порой – родным и сильным. Сделав последний глоток из бокала, Берно медленно направился к дворцу, думая, что вечер удался во всех отношениях и станет одним из самых незабываемых за последние годы. Хотелось лишь домашнего тепла с любимой женщиной и, быть может, немного любимого бренди.

Дорога не отняла много времени. Из головы не уходила незнакомка, ее красота, ее ощущение мира, выражаемое каждым ее словом, движением, взглядом. Воспоминаниям мешала головная боль, да легкая немота в пальцах доставляла дополнительные неудобства. Однако, размышления прервались, как только раздался звонок.

– Берно, где ты?

– В машине, еду домой.

– Прошу, приезжай ко мне, мы должны тебе показать нечто невероятное!

– Кто это мы?

– Я и мои друзья. Ты их не знаешь – Марк, Штефани, Соня, Ивон.

– Натан, послушай, у меня болит голова, мне нужно домой, Афина ждет меня. В другой раз.

– Так болит голова или Афина ждет?

– Выбирай сам. Любое из этого полноценная причина!

– Я выбираю Афину.

– Почему?

– Если она ждала тебя несколько часов, то подождет и лишних полчаса.

– С тобой всегда трудно спорить.

– Почему ты удивляешься? Отец – шизофреник из древнеармянского рода язычников театралов, мать – иудейка... хм... выросшая среди... хм... то ли свиней, то ли других тварей, подобных тем, что на полотнах Босха!

– Натан, твое фамильное древо на зависть самому сатане!

– Или каким-нибудь птеродактилям, любящим позавтракать гамма лучами в непомерных количествах!

– И почему ты в Вене, – сдавшись произнес Берно.

– И те, и другие отлично себя здесь чувствуют!

– Слышали бы тебя в тридцатых прошлого века.

– Эх, дорогой мой друг, я живу с ощущением, что завтра станут говорить о том, от чего плевались год назад.

– Например?

- Например, обо мне!
- Ты нахал и просто неприятный тип, Натан. И поэтому я зайду к тебе. Но лишь на пять минут.
- Десять, мой друг, десять!

II

За входной дверью слышалась музыка. Было очевидно, что в помещении она звучит очень громко. После короткого ожидания дверь медленно распахнулась, и на пороге показался Натан с бритой головой и одетый в белую длинную тунику. Он казался возбужденным, глаза фанатично горели и испускали флюиды с энергией ощутимо темного происхождения.

– Что с тобой? Странно выглядишь.

– Проходи скорее, – шепотом пригласил Натан и громко захлопнул дверь, отчего мезуза, висящая на внешнем дверном косяке, сдвинулась с крючка.

– Пойдем! – потянул за руку Натан, пройдя сразу направо в просторную кухню. – Хочешь есть?

– Да, немного.

– Хотя не стоит, я покажу тебе кое-что, и ты забудешь о голоде. Более того, я хотел бы, чтобы в нас всех как можно чаще просыпался духовный голод.

– Почему музыка играет так громко?

– Это для эксперимента.

– Говори же, – бросил Берно, наблюдая за экстравагантным другом. Тот закурил сигару и, выпустив клубы дыма, откашлялся.

– В моем кабинете сидят несколько человек, – тихо заговорил Натан. – Хорошо, пятеро женщин.

– А где же, хм, Марк?!

– Он в другой комнате. Позволь, я расскажу тебе, и мы пройдем туда!

– Хорошо.

– Эксперимент проводится на двух группах. Одна из них – молодые, красивые, не отягощенные интеллектом женщины. Во второй группе – один мужчина, известный ученый, философ.

– Марк? Марк Штефель?

– Да! – с гордостью ответил Натан, сделав глоток виски.

– Как ты его заманил сюда?

– Заманил?! – вскрикнул Натан, вытирая ладонью выступающий на лбу пот. – Я же писал книгу об этом, он мне сам предложил!

– Охотно верю. Что дальше?

– Каждая из участниц комфортно располагается в кресле. Друг с другом они не знакомы, лишь сидят рядом, как в кинотеатре. Перед ними большой экран, на который я пустил заранее подготовленный смонтированный видеоролик. Я пропустил его через себя, вложил всю душу!

– Что это за ролик?

– Не спеши. Каждая из них находится под действием определенного вещества. Точнее сказать, под действием различных смесей, которые превратили их в безропотных и безвольных существ, не знающих сопротивления и моральных преград!

– Не может быть! – вскрикнул Берно и выбежал из кухни в сторону кабинета. Натан побежал следом.

– Прощу, только не шуми, они так ранимы!

Берно вбежал в кабинет, который освещался лишь светом от проектора. Напротив, у противоположной стены, висело широкое полотно – экран, и перед ним пять кресел. Зайдя внутрь и обойдя кресла, Берно встал у края экрана, напротив зрительниц, неотрывно глядящих на видео изображение. К его удивлению, они совсем не заметили его появления. Из динамиков раздавалась музыка разных стилей, обрывистые отрывки из художественных и документальных

фильмов, постоянно перебиваемые в самой непонятной и сумбурной форме музыкальными выступлениями различных исполнителей широкой временной эпохи и стилей. Берно сделал шаг в сторону, отвел взор от привлекательных и легко одетых участниц и посмотрел на экран. С первых же секунд внутреннее сопротивление начало сдавать и появилось ощущение, что этот завораживающий ряд втягивает его внутрь. Красивая картинка могла в любой момент резко смениться какой-нибудь чудовищной, жестокой или отвратительной, а на их фоне, издевательски играла совершенно противоположная по своей эмоциональной окраске и посылу музыка. Берно застыл и мысленно метался между любопытством, похотью и душевным волнением, вызванным этим странным кинопросмотром. Он повернул голову, оглядел впереди сидящих женщин и посмотрел в сторону Натана, который испуганно стоял у двери за креслами и виновато смотрел на него, ожидая хоть какой-то его реакции.

Что это? Интеллектуальная шутка или бескрайний цинизм? Чего он добивается, насилья бесхребетное сознание, потроша частично заполненные полки и шкафы нашего разума?.. Но как же прекрасна в своей уродливости и эклектике эта композиция, как всегда хвалимая одними и проклинаемая другими, с попыткой одних разорвать гармонию мира, а других – ее сохранить. И как же прекрасны эти женщины. Какая грация, как желанны их тела, их губы и вздыбленные соски, растерянные и непонимающие, от экстаза ли ума они разбужены иль привычный плотский зов...

Берно заметил, как Натан вышел из комнаты и решил последовать за ним. Подойдя к девушке, сидящей с краю, Берно взглянул в ее стеклянные глаза – от них веяло холодным морем, в них страшно было смотреть свысока.

– В тебя вселился плохой ребенок, который убьет тебя! – неожиданно прошептала девушка.

Растерянность Берно мигом прошла, унося с собой остатки робости. Присущий ему авантюризм и некоторая наглость не заставили себя долго ждать. Красивая рыжеволосая бестия, возбуждающая одним своим видом, источала волны сладострастной энергии. Берно медленно направил руку к ее груди и принялся расстегивать пуговицы на ее черной рубашке. Экранный свет, недавно освещающий лишь область шеи, стал медленно распространяться вниз, обнажая светом ее тело. Она смиренно сидела и смотрела на экран, то ли получая молчаливое удовольствие, то ли не в силах ничего предпринять. Берно раскинул по сторонам расстегнутую рубашку, оголив грудь и живот, после чего тихо вышел в коридор. Натан стоял весь в напряжении, ссутулившись, держа сигару с длинным и толстым пеплом на конце, готовым сорваться вниз от любого движения.

– Что скажешь?

– Скажи, чего ты хочешь добиться?

– Я вливаю в их открытый словно чистое поле разум новое мироощущение. После того как все закончится, я ожидаю сделать несколько потрясающих открытий. Эти женщины перестанут быть теми, кем они были. Их новая сущность даст им новые и доселе невиданные переживания!

– Ты не думаешь, что переживания могут быть несколько отрицательными? Вплоть до помрачения рассудка или депрессии?!

– Все в порядке, не волнуйся!

– Это все нелегально! Они давали свое разрешение? – расспрашивал Берно товарища, размахивая рукой перед его носом, не скрывая волнения и злости.

– Эй, успокойся, прошу тебя! Я понимаю, что некоторые вещи не вполне легальны. Но они шли на это сознательно.

– Почему-то я сильно в этом сомневаюсь. Это просто безумие!

– Скажи, тебе понравилось мое видео?

– Я пересмотрю его как-нибудь.

– Тебе не понравилось? – испуганно спросил Натан и затянулся сигарой, которая зашипела. Кусок пепла обломился и упал на пол.

– В этом что-то есть, но мне пока рано судить. Мне нужно посмотреть от начала и до конца.

– Что та девушка сказала тебе?

– Предложила включить в твой ролик отрывок из стихов Бродского.

– Ты, наверное, шутишь. Вчера утром я именно об этом и думал, – задумчиво уставился в пол Натан.

– Когда это закончится?

– Еще часа два. Может, раньше.

Берно прошел по узкому коридору и подошел к двери.

– Куда ты собрался? Мы идем к Марку!

– Она сказала, что во мне ребенок, который меня убьет, – признался Берно. – А про Бродского это была моя идея.

– Отличная идея. И необыкновенное замечание.

– Что к чему было сказано?

– Выбирай в любой последовательности! – раскатисто засмеялся Натан и поманил Берно за собой.

Пройдя в самый конец огромного и немного мрачного жилища, хозяин с гостем уткнулись в дверь со стеклянным глазком, размером со спичечный коробок. Оттуда доносились звуки, сквозь глазок было видно комнату, пустую, с небольшой кроватью, столом и большим телевизором в углу. На кровати сидел седой и пожилой мужчина в салатовом пиджаке на голом теле и в белых шортах. Он смотрел выпуск новостей и нервно посмеивался.

– Наш спор заключается в следующем, заговорил Натан. – Он утверждает, что невозможно никакими способами довести его до безумия. Я угощаю его различными наркотиками и показываю на экране разные видеоролики. Каждый день мы решаем, какое из веществ он будет принимать. Я фиксирую данные и его поведение. Осталось несколько дней, и у нас идет упорная борьба!

– Что на кону?

– Берно, все, к сожалению, банально.

– И как давно он у тебя?

– Почти неделю.

– Будь внимателен. Он же философ. Сойдет с ума, но выдаст такое умозаключение, которое ты явно не ожидал. И по логике ты окажешься проигравшим.

– Не думаю, что он увлекается софизмами. Посмотри, он смеется над новостями. Я близок к цели?

– А вы выработали критерии оценки?

– Не поверишь, но да. Тесты! – утвердительно ответил Натан, хлопнув по двери. За ней послышался крик, плавно перешедший в едва различимый смешок.

– Кстати, если ничего не поможет, после окончания эксперимента, пусти своих друзей женщин к нему. И просто наблюдай. Я думаю, что у кого-то обязательно поедет крыша.

– Отличная идея. А теперь давай зайдем к нему, я познакомлю тебя с ним.

Натан открыл дверь ключом и вошел внутрь. Берно последовал за ним.

– Натааан! – радостно поприветствовал гость, продолжая сидеть в той же позе и глядя в телевизор.

– Марк, как самочувствие?

– Хорошо, но с признаками деменции!

– Как это понять?

– Не знаю, услышал это в нашем вчерашнем просмотре, – лениво поднялся на ноги Марк и подошел ближе.

– Познакомься, это мой друг Берно Фави. Он преподает философию в Альма Матер Рудольфина Виндобенсис!

– Очень рад! – почтительно наклонив голову, ответил Марк и протянул худощавую руку. – Мне кажется, мы могли встречаться на каких-нибудь конференциях?

– Я вас определенно видел в стенах нашего университета. Если не ошибаюсь, вы читали лекцию о пресловутой работе одного безумного немца о бродячем философе, – улыбаясь, заметил Берно.

– Усамого немца! – игриво поправил Марк.

– Да, все верно.

– В яблочко. У вас отличная память!

– Марк, прошу, не ложитесь заполночь, завтра мы начнем с самого утра, – вмешался Натан.

– О, да, я помню. К тому же мне надоело слушать эти новости, они настолько скучные. Сомалийские пираты, тонущая Греция, американцы снова убивают, людей взрывают, а на Ближнем Востоке революции. Боже, как же скучно, – печально и немного раздраженно заговорил Марк. – Хочу иного, нового. В этот мир пора влить свежей крови. Кругом сплошной застой, болото в наших головах!

– О, мой друг, мы сделаем этот мир лучше и начнем с вашей головы, – бросил Натан. – Мескалин и трибуну. Вам будет что сказать.

– Отлично, мне нравится.

– Не будем вам более мешать. Рад был нашему знакомству.

– Доброй ночи, Берно.

Натан с Берно повернулись и вышли из комнаты. Не успела захлопнуться дверь, как Марк окликнул.

– Берно, может, и вы попробуете?

– Что?

– Что-то изменить в этом мире.

– Боюсь, я не готов!

– Берно, вы меня не поняли. Вы меняетесь, и вы меняете. Все очень просто. Начните с себя.

– Ваша мудрость мне близка. Но моей мудрости пока нечем похвастаться, она лишь в ощущении мудрости, а не ее постижении.

– Ничего страшного. Ведь вы спасительный дьявол. Вы дьявольский спаситель. Вы спасительный дьявол. Вы дьявольский спаситель!

Марк замолчал и отвернулся. После короткой паузы, пока Берно в растерянности молчал, Натан потянул на себя дверь. Сквозь сужающийся дверной проем Берно продолжал с удивлением смотреть в комнату, откуда странный, на его взгляд, постоялец выкрикивал странные, на его взгляд, фразы.

– Что он имел в виду?

– Прошу, не обращай внимания. По-моему, он постепенно проигрывает наш спор.

– Как прикажешь. Удачи тебе. Мне пора.

– До скорой встречи. Пора наведаться к моим женщинам.

Берно выбежал на улицу, жадно хотелось свежего воздуха. Запрыгнув в машину, он доехал до дома и, открыв ключом дверь, проскользнул внутрь. В спальне на постели слегка прикрытая шелковым одеялом спала жена. Берно тихо, стараясь не разбудить Афины, лег рядом и попытался уснуть. Утро обещало выдаться сложным.

Как же болит моя голова... Как же мне тошно... Но какой стремительный день... Какой чудный и противоречивый... Как много лиц я видел. Почему я их повстречал? Что я делаю среди красоты, объединившейся с гениями разных мастей, но остающимися, к сожалению, противоположными по своему назначению? Ребенок, убивающий меня... Разве способен он на такое, без оглядки на свой фон и природу... Разве я хоть чем-то похож на спасителя или разрушителя? О, да, он прав, в каждый момент времени я создаю что-то – мысль, поступок, чувство, вызываю отношение к себе... И как забавно я разрушаю... свою мысль своими поступками, чувствительностью...

Но довольно об этом. Пора спать.

III

В аудитории было привычно тихо. Студенты, число которых не превышало и дюжины, сидели на стульях, хаотично расставленных вдоль стены. Напротив них стоял Берно, время от времени прохаживаясь по всему помещению, оказываясь то за спиной учащихся, то возле широко открытого окна с восточной стороны помещения. С улицы внутрь проникал яркий солнечный свет, и слышалось ласкающее ухо редкое щебетанье птиц. Берно вставал у окна, смотрел на здания напротив и провожал глазами медленно проезжающие по узкой улице машины. Он обо-жал раннюю венскую весну и мог часами наблюдать за всем происходящим вокруг. В памяти снова всплывало недавнее знакомство после концерта, о котором Берно постоянно думал в течение последних нескольких дней. Он не мог выбросить из головы живое и красивое лицо, каждый раз ощущая приятное томление внутри.

Что это за мелодия играет в моей голове? Каждый раз, как только я вспомню о ней. Почему она? Почему не ее любимая соната? О, да это же моя любимая соната.

²

Это мое сокровище, запрятанное подальше от глаз, подальше от всего мира. Она всегда была лишь моей, исполнялась моей душой на тонких струнах воспоминаний, стреляя нотками куда-то в сердце, куда-то в прошлое, выстраивая ряд в мое будущее. Да, и похоже, я отдал это сокровище ей, просто подарил, связал ее, обвел вокруг ее тела, взялся за другой край и словно на поводке держу ее, не отпускаю... Лишь она, эта музыка, способна удерживать эту женщину в памяти так же ярко! Хотя бы ненадолго... Хотя бы до самой смерти...

– Берно? – окликнула смуглая студентка в вязаном шарфе и кожаных полусапожках.

– О, простите! На чем я остановился... Ах, да... Для философии экзистенциализма крайне важно понятие страха. Притом важно разделять понятие страха и боязни, – продолжил диктовку Берно, стараясь выждать, пока студенты успеют сделать записи. – Боязнь всегда предполагает наличие угрозы, к примеру, людей, обстоятельств, явлений. В отличие от страха у боязни имеется источник.

Слова Берно, словно растворившись в аудитории, неким движением опять сплелись в слова и вернулись к нему. Он впервые поймал себя на мысли, что до этого момента никогда

² Schubert. Piano Sonata #20 – Andantino.

не задумывался, что легкое волнение, которое он испытывает за последние дни, это не страх, а боязнь. Ощувив от этой мысли слабое облегчение, Берно продолжил.

– Возбуждение страха происходит без нашего ведома, и без определенного источника. В такой ситуации человек не может описать, что его пугает. В этой неопределенности и проявляется основное свойство страха. Это чувство возникает без какой-либо видимой причины, и человек не способен оказать сопротивление. Иррациональный страх, которому мы не можем дать объективное объяснение, приводит к ужасу, но в то же время является мощным толчком для человека в процессе осмысления самого себя и переоценки ценностей. . .

– Берно, я прошу прощения, это безумно интересно, но давайте продолжим в следующий раз. Мы опаздываем на другую лекцию, – улыбаясь, прервала девушка в первом ряду.

– Да, конечно! Прочитайте мои конспекты по Кьеркегору, на следующей лекции мы обсудим основные положения!

Берно взглянул на часы, удивившись пятнадцатиминутному выходу из графика. Оценив стойкость и интерес, с которым его слушали, Берно широко улыбнулся и проводил студентов к выходу взглядом. В ту же секунду в аудиторию вошел мужчина в униформе.

– Добрый день. Я ищу Матиаса Хеля!

– Кого?

– Матиас Хель. Здесь написано, что. . .

– . . . Да, да, простите, я не расслышал, – бросил Берно, вспомнив свой недавний экспромт с именем. – Я слушаю.

– У меня для вас посылка. Вот письмо, – протянул курьер. – Прошу, подпишите здесь.

– Письмо?

– Да.

Берно расписался и взял в руки конверт с письмом. Курьер попрощался и удалился. Берно неспешно вскрыл конверт и достал красивый лист бумаги. С того момента, как он услышал свое вымышленное имя, его пульс медленно, но верно учащался. Волнение достигло апогея с первого взгляда на лист, где красовался написанный чернилами слегка небрежным почерком текст:

Мой дорогой Матиас,

Вам не обязательно стремглав опускать глаза в конец письма, чтобы понять, от кого оно. Да, от меня, от Махсом. Возможно, Вы меня уже успели забыть. Но что-то мне подсказывает, что это не так. Может, ваши глаза, может, ваши воспоминания, которые не дают Вам покоя. Да, мне кажется, что я их чувствую. Наши с Вами воспоминания, возможно, связаны, как частицы, которые оказались запутанными. Только вот если моя спираль мыслей кружится в положительном направлении, то Ваша должна кружить в отрицательном. И наоборот.³ Прошу, скажите, как Вы ощущаете свои воспоминания? Поделитесь чувствами, положительны ли они? Я готова принять Ваши ощущения и с покорностью сочту свои сугубо отрицательными. Хоть мы с Вами никогда не сможем прийти к согласию в том, где начинается положительное и где – отрицательное, где правда и где то, что мы хотим для себя сыграть, добровольно раздав для самих себя примитивные и до боли желанные роли.

Ох, простите меня, если я запутала Вас той самой запутанностью и частицами – набралась у своего ученого отца. Но я все еще готова принять на себя роль, противоположную от Вашей, сугубо положительной.

³ Квантовая запутанность – феномен в квантовой механике, при котором квантовые состояния объектов оказываются взаимозависимыми.

Что же я прошу от Вас, отмалчиваясь и пытаюсь скрыть свои чувства, перекидывая ответственность за свое признание на Ваши плечи?.. Это вихрь, это тонкие слова, облаченные в бесполезную и неприглядную скорлупу; незаметные никому, скрытые и лишенные какой-либо оболочки, чистая энергия. Но лишь разломав ее, силой овладевая тем, что дается нам то ли Богом, то ли его рафинированным суррогатом, я вкушаю плоды моего самобичевания. Я кричу, я мысленно отгоняю от себя приятные и теплые чувства, зная, что в этот же момент вызываю у Вас ровно противоположные. Я доставляю Вам наслаждение. И быть может, я полюбила жертвенность и страдальческие позывы внутри себя ради Вас. Может, все-таки я делаю это ради чего-то более высокого. Посмотрим. Жизнь обязательно расставит все по своим местам. Но я прошу Вас об одном, молю, сделайте усилие для меня, если, конечно, я оставила в Вашем сердце хоть какой-то след. Оберните ваши чувства в черную материю, заколите их, отгоняйте их прочь хоть изредка, заставьте себя поверить, что они отрицательны и порочны. В эти моменты меня накрывает нежное и сладкое блаженство, пьянящая истома, щемящая и сладострастная печаль. Прошу хоть изредка одаривать меня тем, что, возможно, чувствуете Вы так часто и настолько ярко. Я неправда поддаюсь столь могучему соблазну и всецело отдаюсь своим истинным и глубинным чувствам лишь из страха вызвать у Вас неприязнь к себе, к Вашим чувствам. Я лишь прошу Вас и надеюсь на Вашу благосклонность. Мой дорогой Матиас, это не любовь, а лишь ее вершина, прыжок сквозь время, жадное стремление пропустить все лишнее и пугающее. Но тем не менее столь же сильное и пронизывающее чувство.

Ваша соната, она прекрасна. Если Вы дарите мне самое ценное, то у меня есть по-детски наивная, крошечная надежда на то, что Вы услышите мою просьбу.

Махсом

Берно откинул письмо на подоконник. Его сердце бешено колотилось от неожиданных слов, от экспрессии, с которой Махсом обратилась к нему. Чувствовалась настоящая эйфория, грозой накрывающее волнение, подобие которого отдаленно помнилось из юности. Забытое и раздражающее чувство влюбленности к некоему образу, воспоминанию, какой ощущалась Махсом, удивляло новизной сути, хоть было знакомо по форме. Берно осмотрел лист и конверт в надежде найти ее адрес или телефон. Но тщетно. В тот же момент зазвонил телефон.

– Я слушаю.

– Берно Фави?

– Да, верно.

– Это доктор Хайс. Вам удобно сейчас говорить?

– Да, доктор, конечно.

– Я хотел бы обсудить с вами результаты некоторых анализов, которые вы сдавали около месяца тому назад.

– Помнится, я говорил с вашей коллегой, она сообщила, что они в полном порядке.

– Моя коллега, к сожалению, лишилась медицинской лицензии, и мы пересматриваем результаты анализов тех пациентов, которые находились под ее опекой. Я хотел бы попросить вас при удобном случае заехать ко мне. Отныне я буду вашим лечащим врачом, и мне необходимо обсудить и проверить историю болезни.

– Хорошо, доктор, я буду у вас в течение получаса. Вы сможете меня принять?

– Да, господин Фави.

Берно собрал вещи со стола и направился к выходу из университета. В машине было тихо, не играла музыка, не передавались новости. Берно хотелось побыть в тишине и вслушиваться лишь в поступающий в салон, хоть отдаленно и с неким шушуканьем, шум улиц и проезжающих мимо машин. Все мысли были полностью поглощены письмом. Вспомнив о просьбе, Берно

попытался окрасить свои ощущения в оттенки чувства вины, горького и досадного опыта, чего-то мучительного и гадкого. Эта пытка над собой оказалась непростым испытанием, чем-то неестественным и более мучительным, чем само желание представить свои чувства таковыми. Но лишь мысль о возможности доставить ей до боли знакомое удовольствие приводила в восторг. Эта цель казалась подлинно божественным замыслом, следованием путеводной звезде, ради чего Берно готов был потерпеть, устраивая себе такую пытку, отвергая на время чувство экзальтации, вселившейся в него после той встречи.

– Аллю, – ответил Берно на внезапный звонок с незнакомого номера.

– Матиас, у вас получилось. Спасибо.

– Махсом, – с трудом выговорил Берно, ощутив, как вмиг пересохло в горле.

– Да, это я.

– Я слышу, как вы улыбаетесь. Я вижу, как задорны ваши глаза. Я взволнован их сиянием и опечален.

– Как же тонко и точно вы все представляете. Но отчего ж вы опечалены?

– Расстоянием между нами. После прочтения вашего письма мне хочется вас видеть.

– Разве лишь после прочтения?

– Простите меня за малодушие. Но у меня не было другой возможности признаться, что думаю о вас с момента нашей встречи.

– Вы не одиноки в этом. Мы с вами еще обязательно увидимся.

– Как вы узнали мой телефон?

– Прошу, оставьте мне немного пространства для моих секретов.

– Охотно соглашусь. Махсом, спасибо за ваши мучения. Я постараюсь отвечать вам взаимностью.

– Мой дорогой Матиас, нам следует как можно чаще воспроизводить в памяти любимую с вами музыку. Она и лишь она вызывает наслаждение на обоих концах нашей с вами созданной вселенной. Она способна похитить нас и устроить нам встречу. До свидания, Матиас.

– До свидания, – выдал из себя Берно, понимая, что связь с ней в очередной раз рывается.

IV

В клинике было многолюдно. По коридору сновал персонал, пациенты, их друзья и люди с грустными и отрешенными глазами. Временами на глаза попадались те, кто мучительно, сгорбленной походкой передвигался по коридорам, с угнетенным выражением на лицах. Но среди них, казалось, были те, кто лишь желали казаться страдающими, чахлыми и отчаявшимися. Здесь вся воля к жизни закручивалась и обвивалась прочными и непоколебимыми лианами надежды. Было печально смотреть на этих людей.

Прошел уже час, как Берно прошел процедуру и нетерпеливо ожидал, пока доктор пригласит его к себе в кабинет обсудить результаты. Стоя у окна, он грелся под ярким солнечным светом, ощущая, кроме головной боли и легкой тошноты, некое тягостное ощущение несоответствия своего внутреннего состояния с прелестной погодой, выдававшейся за последний месяц. Казалось, будь ливень и вьюга, на душе стало бы гораздо спокойней и свободней. В памяти постоянно всплывало письмо и телефонный разговор. Ощущение некой заброшенности, печали от того места, где он находился сейчас, и мыслей, где же ему найти ту прелестную незнакомку, удручало и отдавало туманными перспективами.

– Берно, прошу, проходите! – внезапно раздалось за спиной.

Последовав за приглашением, Берно вошел в кабинет и устался на доктора. Тот жестом пригласил присесть в кресло, обитое коричневой кожей. Берно тихо прикрыл за собой дверь и расположился напротив доктора, по другую сторону его широкого деревянного стола. В тот же момент, за ним внутрь помещения сквозь стену прошли еще двое мужчин. Слева, возле Берно, встал Виво – невысокий, полный, с копной волнистых блеклых, каштановых волос. Некоторая неряшливость и неуклюжесть сочеталась в нем с отменной дикцией, гордой осанкой и каменным выражением лица. Виво деловито поправил черный пиджак, из-под которого однако местами торчала футболка из брюк. А Фаталь прошел глубже и встал у окна, оказавшись тем самым у доктора за спиной. Щуплый, худощавый, похожий на неокрепшего подростка, он равнодушно осмотрел помещение, оперся плечом о стену и с интересом стал наблюдать за Виво, который заметно нервничал не в силах скрыть разочарования. Доктор рассматривал какие-то документы, после чего отложил их в сторону и, взяв ручку, откинулся на спинку кресла. Повисшая пауза напрягла Берно. Доктор поднял глаза. Во взгляде читалась тревога.

– Берно, как я вам уже говорил, я позвал вас к себе не только потому, что моя коллега, ваш бывший врач, передала мне историю вашей болезни, но и потому, что мне ваши анализы показались несколько тревожными. Кроме того, на основании вашего рассказа о некоторых симптомах, которые ощущаете в последнее время, я принял решение обследовать вас.

– Доктор, прошу, говорите, что показало МРТ?

– Берно, у вас обнаружена глиобластома, – раздалось утрашающе – Это большая опухоль в головном мозге.

– Вы уверены??! – воскликнул Берно, испытав шок от этой новости.

– Да.

– Но этого не может быть, черт возьми!

– Берно, прошу, выслушайте!

– Опухоль!? – вырвался нервный смех.

– Простите!

Улыбка на лице Берно стала медленно исчезать, однако повисла в том пограничном состоянии, когда ее уже нет, но мышцы лица стараются изо всех сил удержать.

– Этого не может быть! Я даже не могу представить, что все так серьезно!

– К сожаленью, это так. Простите.

– И... И... каково же лечение?!

– В первую очередь, необходимо хирургическое удаление опухоли. После операции вам необходимо будет пройти терапию.

– Доктор, прошу, говорите всю правду! – резко оборвал Берно, ощущая сильнейшее волнение и страх.

– К сожалению, очень трудно назвать какие-то сроки. Нам необходимо еще сделать пункцию, взять образец.

– Доктор, сколько мне осталось жить?! – снова перебил Берно, постепенно вскипая от известия.

– Менее года!

После этих слов Фаталь опустил голову и, взявшись за висящий на шее кулон, с ухмылкой взглянул на Берно. Виво прикрыл на мгновение глаза и, сжав губы, отчаянно покачал головой.

– Черт подери, доктор! – произнес Берно, ощущая в теле дрожь колоссального напряжения и беспокойства.

– Постойте, куда вы?

– Доктор, мне нужно уехать. Я вернусь к вам на днях.

Встав со стула, Берно медленно вышел из кабинета. За ним, как шлейф из сухих листьев, последовали невидимые провожатые – болезнь и сопровождающее ее атрофированное сожаление доктора. Добравшись до машины, Берно плюхнулся в нее и, захлопнув дверь, обессиленно откинулся на спинку. Все тело охватила дрожь, на лоб выступил пот. Мир, такой прекрасный и необъятный несколько часов назад вмиг оказался чужим, предавшим, жестоким и потерявшим всякий смысл.

Все мои мысли оказываются в воронке отчаяния. Я – сама растерянность, каскад моментально проросших, словно сорняки, неприятных ощущений, я – склейка из моментов боли и вспыхивающего искрами страха за жизнь. Я не хочу так, не хочу умирать. Эй, никто не хочет моей смерти! Что же случилось? Где я ошибся, что я сделал не так? В чем был тогда смысл всего этого?!

Но что за унижение, что за попытка ухватиться за жизнь?! Каково мое достоинство на этом этапе жизни, каковы границы моего достоинства и гордости в осознании столь короткого и, что самое, страшное, предсказанного будущего?

Берно был полностью погружен в себя. Его бешеный мысленный поток и физический ступор нагнетали обстановку еще сильнее. Потребовалось около четверти часа, прежде чем он стал потихоньку успокаиваться. Ему вспомнились слова незнакомки о ребенке, которые теперь приняли понятный ему смысл, причудливый в своем уродстве и могущий убить. Не в силах

больше выносить охвативший его поток негативных мыслей, Берно подумал о семье, о доме, желая поскорее поехать к Афине. Ему захотелось сказать – здесь и сейчас, не медля ни секунды, как он безмерно счастлив обнять ее, забыть про внезапное известие и пригласить ее на ужин в ресторан. Берно решительно захотелось превратить каждый день из тех, что ему отведено, в праздник. Казалось, вот оно, начало отсчета, чуть слышное тиканье часов, отведенных ему на этой земле. И каждый момент времени внезапно, словно молния, превращался в новую жизнь.

Берно завел машину, рядом с ним тут же оказался Фаталь. Виво пришлось смириться с этим и сесть назад. Машина тронулась с места и вскоре остановилась напротив красивейшего здания.

Берно зашел домой, медленно закрыл за собой дверь и прислонился к ней лбом. С этой секунды, оказавшись в своем жилище, он всем телом ощущал тепло другого человека, который находился с ним в одном доме и спал в соседней комнате. Постояв с минуту, Берно тихо приоткрыл дверь спальни. Через узкий проем он увидел ее, лежащую на боку, спрятавшуюся под тонким одеялом. Тихо войдя внутрь, он подошел к кровати, прилег сзади и обнял Афину. В комнату медленно вошли и Фаталь с Виво. Они встали в разных частях комнаты и наблюдали. Берно медленно опустил руку и принялся гладить живот своей жены, в котором рос их ребенок. В этот момент именно его хотелось ему увидеть больше всего на свете. Афина была на втором месяце беременности, хотя ей с мужем казалось, что прошло уже не меньше шести – настолько не терпелось им стать родителями. Лежа в этой позе, Берно гадал в уме, сколько же ему осталось и застанет ли он рождение ребенка. Он не мог понять, что будет тяжелее для него: не застать рождение ребенка или покинуть его живым, засыпающим на руках, пьющим молоко матери, плачущим по ночам.

Прошло около четверти часа, когда Афина приоткрыла глаза и повернулась к Берно.

– Я видела сон, – прошептала Афина, прижавшись губами к его подбородку.

– Какой?

– Я видела тебя, кружащего в воздухе вокруг меня, словно бабочка, но не могла тебя поймать. На твоей голове сидела змея и шептала что-то непонятное, – Афина опустила глаза и пыталась вспомнить дальше, – словно на незнакомом языке.

– Ты поймала меня?

– Да, но перед этим змея неожиданно отлетела в сторону, словно ее отшвырнула некая невидимая рука. Ты упал на землю, но стал вдруг маленьким, таким, каким ты был, возможно, в пятилетнем возрасте. – Афина на секунду помолчала и растерянно добавила:

– И говорил со мной каким-то другим голосом.

– Поехали ужинать в ресторан, это должно отвлечь тебя от непонятного сна, – предложил Берно, поправляя волосы жены.

Фаталь и Виво взглянули друг на друга и подошли ближе к кровати. Фаталь лег рядом с Берно, а Виво лег рядом с Афиной. Минутную тишину, в ходе которой влюбленные не отрывали взглядов, прервала Афина.

– Дорогой, может, лучше завтра? К нам вечером приедет моя давняя подруга, Лулу, помнишь ее? – тихо произнесла Афина, дотронувшись до губ мужа и проведя пальцем по шраму под его левым глазом.

– Хорошо, тогда завтра.

– Я приготовлю нам поесть, а ты пока выбери вино.

– Твоя подруга застанет нас в легком опьянении! – подмигнул Берно.

– Мы не успеем, она будет здесь совсем скоро.

Берно встал с постели подал руку жене, которая, вскочив, прыгнула Берно на спину. Они вышли из комнаты и направились на кухню, в то время как Фаталь и Виво остались лежать по краям кровати и еще с минуту смотрели друг на друга.

– Виво, если бы ты был осязаем, то задавил бы нашу пару! – подшутил вдруг Фаталь, тихо захихикав.

– Фаталь, если бы ты был осязаем, вызывал болезни лишь у мышей!

– Стоит признать, они красивая пара.

– Замолчи, ты меня раздражаешь!

– Я всего лишь сказал...

– Ты всего лишь меня раздражаешь!

Виво встал на ноги и принялся расхаживать по комнате. Ухмылка на лице Фаталья нервировала и беспокоила Виво. Он кидал короткие взгляды на Фаталья и продолжал метаться по комнате, хватаясь за голову и крепко сжимая кулаки.

– Не стоит так нервничать, – однотонно произнес Фаталь.

– Скажи своему хозяину, что нам надо встретиться и обсудить ситуацию! – резко и громко произнес Виво, рассерженно глядя на Фаталья.

– Зачем? Все и так ясно?

– Зачем?! – переспросил Виво, словно не веря своим ушам. – А затем, что этого требует ситуация!

– Не смей меня, Виво. О чем ты говоришь?

– Если ты не понимаешь или не хочешь понять, то просто будь добр сообщить своему хозяину, что мы хотим встретиться!

– Послушай, ситуация довольно ординарная, такие были всегда и повсюду. Ситуация ничем не отличается от тех, с которыми мы работали на протяжении тысячелетий.

– Да, я знаю, но если ты не забыл, мы имеем право на одну встречу в год. И я хочу воспользоваться ею.

– Так ты хочешь наложить вето?!

– Да, возможно.

– Почему я должен идти навстречу тебе?! – спросил Фаталь. – Это борьба, здесь каждый пытается выиграть схватку.

– Я не спорю, но эти вопросы не в твоей компетенции – решение принимает твой хозяин!

– Мы и так терпим поражение, наши усилия не приносят должного результата!

– Прошу, не жалуйся. Возможно, когда-нибудь вы и одержите окончательную победу, но пока наша работа успешно сдерживает ваши порывы! – гордо произнес Виво.

– Ваша работа привела к браку, вы сами не можете контролировать этот процесс, а мы лишь исправляем ваши ошибки.

– Не будем вдаваться в детали, – отрезал Виво. – Звони хозяину!

Фаталь, с трудом сдерживая недовольство, достал из кармана телефон, на котором была лишь одна кнопка. Нажав ее, он приложил трубку к уху.

– Привет. Виво желает встретиться, – выдавливая из себя слова, произнес Фаталь. Выслушав собеседника, он добавил: – Да, он хочет воспользоваться правилом одной встречи!

Фаталь окинул злым взглядом Виво, поманил его рукой и оба они провалились сквозь землю.

Спустя мгновение оба стояли в огромном округлом кабинете, цилиндром уходящем вверх метров на пять. На другом конце кабинета стоял длинный овальный стол, за которым сидел Мор. Стены кабинета были богато отделаны фресками с изображениями всевозможных мифических созданий, а многие детали из лепнины объемно врывались в помещение. По всему периметру кабинета на полу стояли предметы из темно-красного дуба и керамики: декоративные лампы, корзины с фруктами, горшки с цветами, горящие свечи и напольные лампы. Все смотрелось довольно эклектично и бессистемно. В центре на полу была яма, огороженная тонкими коринфскими колоннами до самого потолка. Внутри горел огонь, а сверху через определенные промежутки времени на пламя падало несколько капель некоей жидкости, отчего огонь

огрызался и шипел, разрастаясь и снова утихая до размеров небольшого костра. По правую сторону располагались высокие стеллажи с внушительной библиотекой, с книгами, распределенными по отделам и темам. Каждый отдел имел свои границы и названия, написанные на кусках бумаги, торчащих по краю полок. Энциклопедии, медицинские справочники и научные работы были гордостью Мора и занимали внушительный процент всей коллекции. А еще куча архивных данных и исследований, большая часть которой находилась в отдельном помещении, где Мор любил прятаться от коллег. Для Виво было обычным делом ходить к своему компаньону, но их давняя вражда каждый раз заставляла и того, и другого содрогаться при нахождении в чужом кабинете.

– Что тебе нужно? – холодно спросил Мор.

– Надо организовать встречу и провести переговоры!

– Так значит ты хочешь встречи, – словно резюмируя, проговорил Мор, громко добавив: – Виво, присаживайся, чувствуй себя как дома. Я всегда гостеприимен и рад тебя видеть. Чего не скажешь о тебе.

– У меня в кабинете ты никогда не нуждался в приглашении присесть и отдохнуть! – промолвил Виво, сделав несколько шагов вперед.

– Да, я не церемонюсь, но мне было бы приятно получить от тебя хоть раз знаки внимания и гостеприимства!

– Не вижу смысла в этом! – отрезал Виво. – Зачем фальшивить?!

Мор улыбнулся и встал с кресла, открыв вышитый золотистой нитью на его спинке герб с разложившимся человеческим лицом внутри. Он обошел стол и, поправив длинные волосы и застегнув пиджак, остановился в трех шагах от Виво.

– Год только начался, впереди еще много работы, – проговорил Мор. – Тебе больше не удастся попросить о встрече.

– Я знаю. Я уверен, что этого будет достаточно. Наши прогнозы говорят о том, что этот год выдастся крайне тяжелым для вас.

– Интересно, – покачал головой Мор, сделав несколько шагов по направлению к огню, который зашипел чуть громче прежнего. – Это мы всегда первыми просили о встрече, а вы тянули до последнего, чтобы воспользоваться вашим правом только после нас! Что же произошло?

– Думай, как хочешь. Мне захотелось сделать исключение!

– Хозяин, я силен и бескомпромиссен! Не волнуйся, назначай встречу! – неожиданно похвастался Фаталь.

– Хорошо, ты знаешь, где! – бросил Мор и быстрым шагом направился к столу.

V

Берно не мог сконцентрироваться ни на одной статье, пока читал газету, как до его уха донесся стук в дверь. Вдали послышались женские голоса. Швырнув газету в сторону, он встал с дивана и пошел встречать гостью.

В гостиной, где сидели за столом хозяева и гостя, были слышны лишь постукивания столовых приборов. Время от времени Лулу издавала едва слышимые мычания, которыми она выражала свой восторг от приготовленного Афиной ужина. Берно рассеянно смотрел на свою тарелку и пытался поддерживать разговор. Порой ему удавалось это делать непринужденно и интересно, хотя в основном он застывал в задумчивости. Лулу красочно рассказывала о своей поездке в Непал. В эти минуты Берно благодарно слушал присутствующих дам, которые давали ему возможность просто помолчать. Все мысли кружились вокруг недавнего события.

– Берно, ты знаешь, что Лулу обладает уникальными способностями?! – неожиданно спросила Афина, отчего гостя положила вилку на тарелку и отпила воды, не в силах скрыть смущения.

– И какими же?

– Лулу, расскажи лучше ты!

– Берно, моя подруга преувеличивает. Я...

– Расскажи, не стесняйся! – перебила Афина, которой скромность подруги в данный момент показалась неуместной.

– Я не вижу и не знаю многого, но ко мне приходят образы, связанные с прошлым или будущим человека, если я долго вглядываюсь ему в глаза.

– О, интересно, – проронил Берно, стараясь скрыть свой скепсис. – И каков процент совпадений?

– Признаюсь, не слишком высок. Видеть получается не у каждого. У кого-то лишь прорывается нечто из прошлого, у кого-то – только из будущего, а с некоторыми не вижу абсолютно ничего!

– Дорогая, ты давно знала об этом? – спросил Берно у жены, готовя следующий вопрос.

– Да, с тех пор как мы познакомились. Это было года четыре назад!

– Ты проводила эти эксперименты с Афиной? – спросил Берно Лулу.

– Да, но не смогла увидеть ничего, кроме твоего образа!

– В смысле?

– Вы тогда еще не были знакомы, но я увидела образ, который был очень похож на тебя. Я сказала ей, что возможно этот человек сыграет важную роль в ее жизни. Помнишь Афина?

– Да! – рассмеялась Афина, погладив ладонью мужа по щеке.

– И как долго тебе надо смотреть в человека? – спросил Берно, выделив интонацией последние два слова.

– В среднем около минуты.

– Хорошо, мы можем проверить это.

– Тогда вперед! – согласилась Лулу.

Берно подался вперед, а Лулу, усевшись поудобней, установила контакт глаз. В комнате повисла тишина. Улыбки резко исчезли с лиц, уступив место сосредоточенности. Лулу не моргая смотрела Берно в глаза. Спустя минуту у него появилось неприятное ощущение, словно от некоей потусторонней интервенции внутрь сознания. Неожиданно Лулу отвела взгляд в сторону. Фаталь, стоящий позади Берно, к своему удивлению поймал взгляд Лулу на себе и сделал

неловкий шаг назад. Его удивленное лицо вызвало улыбку у Виво. Берно, заметив, как Лулу смотрит в сторону, взглянул туда же, но снова отвернул голову.

– Лулу, куда ты смотришь? – спросила Афина.

– Хм... Никуда, не обращай внимания! – запинаясь, ответила гостя и отпила воды.

– Ну как? Ты увидела что-нибудь? – спросил Берно.

– Знаешь, почти ничего, слишком много обрывков. Скорее всего это все из прошлого, ничего конкретного, – натянута улыбнувшись, ответила Лулу.

– Жаль, я так рассчитывал узнать нечто новое!

– Прости, что разочаровала, но я говорила, что не с каждым это удастся.

– Может, это даже к лучшему, – философски заметила Афина. – Может, чаю?

По всему периметру помещения на стенах, выкрашенных в белый цвет, словно через простыню проявлялись лица людей. Одни вскоре после этого исчезали, и на смену им появлялись другие. Лица не повторялись, их было большое множество. На них читались покорность и отчаяние, безразличие и страх. Этот маскарад лиц, словно четырехмерный калейдоскоп, заполнял пространство огромного квадратного помещения. В центре стоял выкрашенный в темно-синий цвет стол на целой сотне ножек. Под высоченным потолком висели железные прутья длиной в полтора метра каждый. Всего таких было около двух десятков. На концах к ним крепились светящиеся шары, по форме напоминающие глаза.

Первым в помещении появился Виво. Он был сосредоточен и собран. Подойдя к столу, он сел на один из широких стульев с высокими деревянными спинками, огляделся, положил руки на стол и замер. Спустя минуту к нему подсел Имун – широколицый, с лысиной и крупным носом. Он выглядел уставшим и был довольно бледен. Вытерев рукавом пот с лица, он посмотрел на Виво и неуверенно спросил:

– О чем ты думаешь?

– О предстоящей встрече!

– Есть какие-нибудь соображения?

– О чем ты?

– О наших возможностях, – промямлил Имун.

– Мои возможности тесно связаны с твоими. Мы отлично понимаем, что все складывается не в нашу пользу!

– А как же...

– Помолчи, прошу! – грубо перебил Виво, не в силах скрыть раздражения.

Имун замолк.

Остальных не пришлось долго ждать. Вскоре напротив присели Мор и Фаталь, а чуть поодаль расположился Брейни – очень заметная фигура, одетый в длинный балахон, больше похожий на вечернее платье. К балахону крепилось чуть более десятка металлических пластин размером со спичечные коробки. На них были надписи, и каждая пластина имела свое название и предназначение. Пластины соединялись между собой прозрачными трубками, по которым текла жидкость, постоянно меняющая цвет.

Таких, как Брейни, было также великое множество. Они различались лишь цветами, размерами, расположением пластин и их содержанием, но их внешний вид, одеяния были похожи. В каждой пластине находилась плотная субстанция, на которой была записана уникальная информация. Встречи с Брейни были редким событием, поэтому все старались максимально долго изучать глазами его внешний вид и вычитать как можно больше названий. Виво хотелось стоять за его спиной, потому что названия пластин, что были спереди, он давно уже знал.

– Ну что ж, – первым заговорил Мор, – можем начинать?!

– Перейду сразу к сути! – произнес Виво. Его боевой настрой выдавали как его голос, так и поза.

– Мы больше никого не ждем? – последовал неожиданный вопрос от Брейни, холодный и раскатистый голос которого приковал всеобщее внимание.

– Нет! – отрезал Виво.

– А как же Фатум?

– Он придет, если возникнет такая необходимость, – ответил Фаталь, глядя куда-то в сторону.

– Друзья, – обратился ко всем Виво, – на данный момент сложилась такая ситуация, при которой нам стоит пересмотреть положение вещей...

– ...Какого черта?.. – перебил было Фаталь, но его остановил Виво.

– Не перебивай! Ты выскажешься, лишь когда я закончу!

Виво выдержал паузу в попытке утихомирить Фаталья. Тот откинулся на спинку стула и скрестил на груди руки.

– Мы хотим, чтобы Берно не умирал!

В помещении повисла тишина. Решительный выпад Виво был для всех предсказуем, но удивил несвойственным в этих кругах пафосом.

– Почему? – выпятил глаза Мор.

– Поймите, сейчас не лучшее время. У него должен родиться ребенок, он так счастлив со своей женой, она у него прелестная, у него замечательная работа!

– Что за глупости?! Виво, таких случаев было миллион. Чем этот отличается от других?

– В том и вся проблема, что мы никогда не пытались что-то изменить.

– У нас было достаточно много случаев, когда все заканчивалось в вашу пользу. Открой архив и освежи память, – с насмешкой произнес Мор.

– Мы на этом настаиваем! Мы всегда работали сообща, и я уверен, что нам удастся найти какое-то решение!

– Но почему, объясни! Вчера женщину сбила машина на глазах у сына... Почему не этот случай? У нас запущены с Фаталем тысячи проектов с новорожденными, их матерями! Выбирай любой. Чем они хуже? И почему не один из них?

– Прости, но я не могу объяснить тебе. В то же время, я мог бы выбрать любой иной, и ты сказал бы мне точно так же: почему не те или эти!? – жестикулируя, излагал Виво. – Мне кажется, наш дорогой Фатум уже слишком давно не получал стоящего дела. Он давно уже перестал разрабатывать качественные сценарии. Все его проекты предсказуемы и повторялись тысячи раз.

– А чего же ты хочешь от него? – спросил Фаталь.

– Хочу чего-то нового, хочу дать ему новый толчок в развитии.

– Меня все устраивает, – разводя руками, произнес Мор.

– Хорошо, мы сможем изложить наши позиции Ему. И пусть он решает!

– Виво, ты же отлично понимаешь, что маховик запущен, и его невозможно так просто остановить. Иммун слаб и не приспособлен для этой схватки, это вне его компетенций и возможностей, – спокойным голосом рассуждал Мор. – Лишь вмешательство извне может дать вам силы для борьбы такого масштаба!

– Иммун достаточно силен, но я отлично понимаю, что ему не выиграть эту схватку с Фаталем!

– Тогда чего же ты хочешь? На данный момент наши внешние враги, особенно враги Фаталья, в этом отдельно взятом проекте не способны с ним справиться. Их просто не существует в природе. Мы все делаем свое дело.

– Не скромничай, прошу!

– Отнюдь. Один из моих лучших помощников, Онко, уже давно испытывает серьезные трудности, лишь малая часть его проектов успешно заканчивается. Некоторые из его работ тянутся годами, пока я не направлю кого-нибудь ему на помощь. Так я поступил и с этим про-

ектом, направив ему на помощь Фаталя как более опытного и искушенного эксперта. И это принесло свои плоды. К тому же ты отлично понимаешь и то, что невозможно чисто теоретически и практически убрать Фаталя с этого проекта!

– Я знаю, Мор. Но есть вещи, которые неподвластны нам. И есть возможности, которые можно использовать!

– О чем ты, Виво?

– Ты прекрасно знаешь, о чем я!

– Поверь мне, я не совсем тебя понимаю! – выговорил Мор, речь которого постепенно окрашивалась более выразительными эмоциями. – Я до сих пор не могу понять, почему ты придал такое значение этому проекту? У нас были миллиарды подобных работ, и все они стандартны! Исключения делались лишь при крайней необходимости, когда этого требовала история, или по Его распоряжению. Он делал это либо для эксперимента, либо для развития цивилизации, либо от скуки, либо по одним Ему понятным причинам.

– Если ты не забыл, Его вмешательство потребовалось лишь полтора десятка раз в течение нескольких тысячелетий! – добавил Фаталь.

– Не пугайте меня! Вмешательство Праджняпарамита имеет под собой иные цели, а ваши рассуждения лишь попытка понять, когда и почему ваши решения и работа подвергаются коррекции вплоть до самого основания.

– Так же, как и твои.

– Да, в том числе и мои.

– Виво, позволь мне сказать, – взял слово Имун. – Мне кажется, что Берно именно тот, которого стоит выбрать в качестве новых экспериментов.

– Эксперименты очень опасны как для вас, так и для нас, – возразил Фаталь.

– Но они необходимы! – ответил Имун, оглядываясь на одобрительный кивок Виво.

– Я не против эксперимента и развития вообще, но все они лишь только усложняют нашу работу. Я теряю помощников и вынужден уделять большее внимание бедным и отсталым регионам. Я потерял долю своего влияния и продолжаю терять его во многих регионах планеты, – пожаловался Мор.

– Во-первых, эксперименты и развитие событийных связей и расширение диапазона проектов Фатума влияет как на тебя, так и на меня, – качая головой, возразил Виво. – А что касается твоих потерь, то здесь ты лукавишь. Тебе всегда удастся компенсировать в другом месте. Либо ты разрабатываешь новые методы для улучшения своей работы. Мы все знаем, насколько ты изощрен и всевидящ. К тому же, Праджняпарамита помогает тебе в этом!

– Да, конечно, мы же должны с тобой сохранять гармонию, исполняя Его законы!

– Вы отвлеклись! – неожиданно вступил в дискуссию Брейни. – Думаю, стоит позвать Фатума, раз уж речь зашла о нем.

– Что за дискуссия? Вам меня не хватало? – позади Брейни неожиданно, подобно изображению на пленке, проявился Фатум.

Никто не произнес ни слова. Фатум выглядел как обычно высокомерным и решительным. Он всегда вел себя по-хозяйски, однако власти и возможностей у него было не больше, чем у других. Он был непредсказуем и изобретателен, его проекты порой поражали воображение, однако лучшие из них создавались в тесном сотрудничестве с другими. И сейчас, как и полагается основополагающей силе, Фатум неторопливо окинул всех взглядом полным хитрости и даже легкого почтения. Обойдя стол, он подошел к Фаталю и Мору, многозначительно улыбнулся им, молча прошел дальше, кивком головы поприветствовал сидящего напротив Виво и остановился у стены.

– Должен признаться, я слышал, о чем вы здесь говорили, – заговорил Фатум. – Если меня нет рядом, то это вовсе не значит, что я отстранился от вас и жду вашего приглашения!

Мор равнодушно отвел от него глаза и всем своим видом старался показать, что высокопарность, свойственная речам Фатума, вкупе с его ораторскими способностями лишь забавляла его. Фатум медленно шагал вокруг стола и продолжал излагать, не забывая украшать речь жестами и парадоксами.

– Вы снова принялись обвинять друг друга и пытаетесь доказывать свою правоту. Я каждый раз вижу одно и то же: как вы решаете вопросы с помощью методов и уловок, которыми пользуются наши проекты. Боюсь, вы попали под их влияние, вас пачкают их понятия и ценности, мораль и свойственная их психике фактурность! Я прав? – спросил Фатум Брейни, положив руку ему на плечо.

– Это пока вне моего понимания! – последовал ответ.

– Еще бы. Вы каждый раз устраиваете показательное выступление, распускаете хвосты, точно павлины, боретесь за власть и Его внимание. И каждый раз все заканчивается тем, что мы все сообща выполняем нашу миссию. Мы единое целое...

– Обойдемся без проповедей! Ближе к сути! – прервал вдруг Виво.

– Действительно, зачем я это все говорю, вы и сами отлично это знаете, но почему-то продолжаете пререкаться и устраивать это шоу!

– Тебе давно пора бы запомнить, что все, о чем ты говоришь, имеет свое место в законах и в системе общей структуры идеального мироздания, хранящихся у Праджняпарамита!

– Ты напряжен, Виво, и я понимаю, в чем причина.

– Поделись же с нами своим видением на ситуацию с Берно. К сожалению, в своем проекте ты решил задействовать Фатала, даже не поставив в известность меня и Имуна!

– Что ты имеешь в виду под словами «решил задействовать Фатала»? Что за ерунда, Виво! – вскрикнул Фатум, которого такой вывод явно задел. – Я очень редко вношу поправки по ходу выполнения проекта, и в данном случае участие Фатала было предписано с самого начала!

– Виво, он ничего не менял, ты зря обвиняешь его, – поддержал Мор.

– Я разрабатывал проект на основании данных, которые мне дал Диэнэй, и дальше, как всегда – вы сами не хуже меня знаете, какими факторами и данными я пользуюсь!

– Одним словом, я хочу нового эксперимента для Берно и нуждаюсь в твоей поддержке. Если мы договоримся, то тебе останется использовать свой доступ к Праджняпарамиту, – пробормотал Виво.

– Виво, а что случилось с вашими доступами? – спросил Фатум.

– Ты напрямую работаешь с Ним, ты под его опекой и тебе легче обсуждать новые идеи.

– Я не буду ничего делать, пока вы не договоритесь между собой.

Повисло неловкое молчание. В дискуссию решил вступить Брейни.

– Мор, я говорю сейчас с высоты своего понимания того, как вы работаете и делаете возможным все, начиная от меня самого и заканчивая всем остальным, что есть в этом мире. Я есть вся нематериальная часть этого человека, и мое существование тоже зависит от его материальной составляющей! – обдумывая каждое слово, говорил Брейни, видя, как на него устремлены взгляды всех присутствующих. – Во мне слишком много того, что зарождалось и укреплялось с момента, как Виво и все остальные запустили мой проект. В моих данных есть нечто оригинальное, что не должно быть просто вычеркнуто и уничтожено. Берно заслужил жить, увидеть ребенка...

– При всем уважении, не стоит вносить субъективную смуту в наши переговоры! – перебил Фаталь, говоря с наигранным почтением. – Ваши критерии можно было бы применить к очень многим, которые, как вы говорите, ничуть не меньше заслуживали жить. Только у нас тут иные подходы, и в первую очередь в процессе проекта все мы рассматриваем необходимость

того или иного поворота событий в рамках общей картины и четкости работы так называемого всеобъемлющего баланса в механизме существования мира.

– Да, я понимаю, о чем вы говорите, но у меня большие возможности, думаю, я бы справился с любым вмешательством в проект Берно.

– Так что скажешь, Мор?! – пытаюсь поставить точку в разногласиях, спросил Виво. – По крайней мере я могу привести лишь один довод в пользу уникальности этого случая.

– Какой?

– Да нет никакого довода! – вскочив со стула, прокричал Виво. – Просто пришло время сделать что-то новое, придумать нечто интересное, и этот выбор пал на Берно. Какая разница, он ли это или кто-то еще! Учитывая его ситуацию, я считаю свой выбор вполне удачным. Я спрашиваю тебя в последний раз: ты даешь свое согласие?!

Все взгляды резко обратились в сторону Мора. Ответа сразу не последовало, он нарочно тянул время, все больше нагнетая обстановку. Наконец, спустя минуту он опустил руки, которыми закрывал лицо, и произнес:

– Хорошо, я согласен. Мне все равно, но знайте, что бы ни решил или ни предложил Праджняпарамита, алгоритм и процесс всего проекта останутся неизменными.

– Что ж, спасибо! – едва сдерживая внутреннее удовлетворение, произнес Виво.

Брейни нервно задергал головой, пытаясь понять, что же будет дальше. Фатум похлопал его по плечу и провел рукой по лбу, словно вытирая со лба несуществующий пот. Обстановка приняла менее напряженный характер, что сразу стало отчетливо видно по лицам и поведению участников встречи.

– Думаю, можем расходиться! – попыток Фатум. – Я немедленно отправлюсь к Праджняпарамиту, опишу ему ситуацию и ваши позиции. Виво, Мор, подходите чуть позже, и мы вчетвером обсудим детали.

VI

Берно с Афиной сидели на длинном диване, держась за руки, сцепленные в замок. В другой руке Берно держал перед собой чашку горячего чая, неотрывно глядя на поверхность, с которой он сдувал пар. Сделав глоток, Берно поставил чашку и повернул голову вправо. Афина приоткрыла глаза и широко улыбнулась.

– Тебе не показалось странным то, как повела себя Лулу? – вдруг спросил Берно.

– Да, что-то с ней явно произошло.

– Как бы то ни было, уверен, что она что-то скрыла.

– Думаешь, она видела что-то?

– Я не могу судить о том, насколько это правдиво, и может ли она что-то видеть, но меня насторожила ее реакция.

– Хочешь, я попробую разузнать?

– Она ничего не скажет!

– Почему?

– Она бы сказала это тогда.

– Я могу попробовать. В конце концов мы подруги и не должны скрывать что-либо друг от друга.

– Не знаю, – пожал плечами Берно, задумчиво взглянув на жену.

Афина поправила волосы и резко вскочила с дивана, потянув за руку Берно.

– Поехали на концерт! – неожиданно предложила она.

– Какой концерт?

– Сегодня замечательный вечер классической музыки. Тебе понравится.

– С удовольствием, – сразу согласился Берно, поставив чашку на стол.

Пожилая женщина в синем пиджаке оторвала контрольную часть билетов и жестом пригласила пройти в зал. Берно и Афина вошли в небольшое помещение, в котором музыканты – скрипачи, пианисты и другие – обычно выступали с сольными программами. Для оркестровой музыки предназначался другой зал, широкий и просторный. Сегодня там будет исполняться музыка не менее известных композиторов, однако этот крохотный зал обладал несравнимо более уютной обстановкой, способствовал уединению и лучше отвлекал от суеты внешнего мира. Даже стулья здесь словно несли отражение музыкальных традиций и богатой истории.

– Здесь красиво, – тихо произнес Берно, садясь на предпоследний ряд.

– Удивительно, сегодня много свободных мест, – оглядев зал, проронила Афина. – Мы одни в этом ряду.

– Как в кинотеатре, когда мы только стали встречаться?

– Да...

Раздались аплодисменты. На сцену вышла молодая женщина в длинном платье и села за рояль.

– Что она будет играть? – тихо спросил Берно.

– Кампанеллу в переложении Листа!

– А что это за произведение, Кампанелла?

– Это переложение на фортепиано заключительной части второго концерта Паганини для скрипки с оркестром. Когда Лист впервые услышал, как Паганини играет на скрипке, то был в высшей степени очарован его виртуозностью и величием его произведений. Его игра поразила Листа настолько, что побудила его на некоторое время отказаться от концертов, усиленно

работать над техникой и добиваться еще большего совершенства в собственном исполнении. В этот период он переложил для фортепиано, в том числе, капризы Паганини.

– Невероятно! – с интересом в глазах произнес Берно, стараясь запомнить услышанное. – Мне следует заполнить этот пробел.

Пока женщина готовилась к выступлению, шум в зале постепенно стих, и вскоре слушатели, перестав ерзать и шептаться, обратили свои взоры на музыканта. Легкий взмах кистей рук, и через мгновение по всему залу стали пролетать первые ноты. Легкая и воздушная знакомая мелодия стала нежно ласкать слух, удивлять необычной живостью и новизной переработанного звучания. Афина, приподняв брови, вслушивалась в каждую ноту, ритмично покачивая головой. Ее пальцы отстукивали мелодию на ладони Берно, откинувшегося на спинку кресла и почувствовавшего накрывающую его слабость. В это время в зал один за другим вошли архитекторы мира и, глазами отыскав Берно, медленными шагами направились к нему. Вскоре после начала слева от Афины присел Виво. Справа от Берно присел Фаталь, который постоянно крутил головой и рассматривал то потолок, то стулья напротив. Чуть позже к ним присоединился Мор, расположившись рядом с Фаталем. Тот подмигнул Мору, и следующую минуту все устремили взгляды в сторону сцены, слушая Кампанеллу. Вскоре, Фаталь, не отрывая глаз от сцены, поднял руку и опустил ее на край спинки кресла, на котором неподвижно сидел Берно. Виво проделал то же самое, только его рука оказалась за спиной Афины. Схватив пальцами Фатала за кисть, он скинул его руку и не давал ему положить ее обратно. После нескольких попыток Фаталь все-таки освободил руку и положил ее себе на колено. Пока вокруг Берно разыгрывалась эта сцена, его жена, впечатленная виртуозными пассажами в середине произведения, схватила Берно за два пальца и крепко их сжала. В этот момент рядом с Виво присел Брейни. Секундой позже позади Берно в узком проеме между рядами появились Фатум и седовласый и высокий Темпус в широкополой шляпе, по всей окружности тульи которой были вышиты бесформенные циферблаты с неровными кривыми стрелками. Темпус скрестил руки на груди, оглядел всех, кто сидел спереди, и устремил свой взор на сцену. Его зрачки принялись бегать в разные стороны независимо друг от друга. Радужные оболочки глаз менялись в размерах, становясь то крошечными то огромными. В этот же момент Берно медленно опустил тяжелые веки и откинул голову назад. Фаталь вплотную подвинулся к нему и обнял. Виво и Мор обернулись и посмотрели на Фатума, который, стоя сзади, медленно наклонился к Берно и стал тихо дуть ему в область виска. Афина повернула голову, и застав мужа с закрытыми глазами, широко улыбнулась. Ей было несколько жаль что последние такты обожаемого ею произведения ей придется дослушать одной. Из рояля вырвались последние аккорды, и зал взорвался аплодисментами. Секундой позже Темпус резко снял с головы шляпу и замер.

Внезапно все кругом в одночасье стихло и остановилось. Время, это четвертое измерение, замерло и повисло в безмолвном ожидании, захватив по пути с собой все звуки и мысли. Люди замерли с улыбками на лицах, рукоплеща пианистке, которая успела лишь слегка при- встать со стула. Рука Афины, державшая пальцы Берно, застыла. Фаталь еще сильнее обхватил Берно, в то время как Виво мигом вскочил и, схватив Брейни за локоть, бегом потащил его к выходу. Немного погодя за ними последовал Фатум. Остановившись через десять метров у выхода, Виво оглянулся, нашел глазами Фаталя, обхватившего Берно, и посмотрел на Мора, который кивнул головой, пожелав удачи. Фатум догнал Виво и вытолкнул обоих из зала.

На улице было мрачно и серо. Солнце было скрыто за тучами, грозно свисавшими над городом. Кругом все застыло в неподвижном стремлении жить и двигаться. Люди замерли во всевозможных позах, а на их лицах оцепенело, словно посмертные маски, отражались в сумрачном свете их эмоции. Нагнувшись у обочины, застыла женщина, секундой ранее соби- равшая с асфальта опрокинутые груши. В метре от нее в воздухе застыл плотный дым, подни- мающийся из-под колес автомобиля. Внутри сидела девушка, вцепившись в руль и с ужасом на лице наблюдая, как наезжает на женщину с грушами.

Виво остановился, с интересом огляделся вокруг себя. Фатум, продолжая бежать вдоль по улице, окликнул его. Виво догнал, и все трое, прибавив скорости, рванули дальше, свернув вскоре за угол. Там их уже поджидали. На тротуаре неподвижно стоял мужчина лет тридцати пяти. С самого неба до его макушки опускалась изогнутая зигзагообразная молния, настолько яркая, что голова была словно поглощена ею. Рядом, опираясь на трость, стоял Натур, вели- чественный и крупный, в красивом сюртуке и демонстративно поглаживал молнию. С другой стороны стоял Брейни2, очень похожий на Брейни. Все трое подбежали ближе и вплотную встали к ожидающим их коллегам. Брейни встал напротив своего визави и пристально посмот- рел на него. Они были поразительно похожи, отличаясь лишь цветом костюма, расположением пластин и еще ведомым лишь им миллионами невидимых глазу деталей.

– Какой ты? – тихо спросил Брейни.

– Обычный! – с печалью в голосе и нескрываемым интересом в глазах ответил второй.

А в зале в это время Мор и Фаталь уже несколько минут сохраняли молчание, изредка нервно и пугливо оборачиваясь назад. В какой-то момент, Темпус неожиданно моргнул. Внезапно все кругом ожило на долю секунды и задвигалось. Рука Афины шевельнулась, а в зале щелчком послышался отзвук аплодисментов. Снаружи дым из-под колес поднялся еще чуть выше, а машина еще приблизилась к женщине.

– Скорее! Темпус не может так долго держаться! – приказал Натур, рассерженно стукнув тростью об асфальт.

Пришло время последних ритуалов. Напряжение чувствовалось в каждом движении. Виво одним шагом подошел к Брейни, положил его руку мужчине на плечо, отошел от него и взял за локоть второго. Секунду спустя Фатум протянул руку Натуру, который передал ему свою трость, коснулся ручкой Брейни, затем головы неподвижно стоящего мужчины и вернул трость хозяину. Обменявшись взглядами, Виво, Фатум и Брейни2 повернулись и побежали обратно.

Когда все трое вбежали в зал, у Темпуса дрогнула рука. Не обратив на это внимания, Виво в спешке усадил рядом с Афиной Брейни2, а сам встал в проходе. Темпус медленно задвигался. Все кругом ожило и заиграло с прежней силой. Как только Афина сделала первый хлопок, Брейни2 медленно закрыл глаза и, ссутулившись, опустил голову. Каждая мышца в теле Берно вмиг расслабилась, и вся масса тела словно потекла по креслу. Фаталь тут же отпустил его и поменялся местами с Мором, который взял Берно за запястье и увлеченно посмотрел на Афины. Она, чуть подавшись вперед, продолжала аплодировать женщине, выступление которой было последним, что слышал и видел Берно. Когда все стихло, Афина повернулась к мужу. Она посмотрела на его лицо, такое знакомое, и замерла, не узнавая его. Сильное беспокойство отразилось на ее лице, улыбка медленно сузилась и заросла, словно трещина. Афина несколько раз окликнула Берно, дернув его за руку, но не замечая никакой реакции, испугалась. Тряся Берно в попытке разбудить его, она привлекла внимание людей в зале, двое из которых мигом подбежали, предлагая помощь.

Виво, не желая больше присутствовать в зале, решил, что его миссия завершена, и под напряженные возгласы Афины, покинул помещение. Темпус надел шляпу и тотчас испарился, словно призрак, уступив свое место Морю. Следом выбежал Фатум, и в зале остались лишь Брейни2, Мор и Фаталь, которым не оставалось ничего другого, как холодно и безразлично наблюдать за Афиной, в слезах зовущей на помощь. К ней подбежали еще несколько человек. Еще недавно убаюкивающая и жизнерадостная обстановка в зале сменилась на тревожную и полную суеты. Люди вскакивали со своих мест, направляясь кто к бесплатному зрелищу, а кто на помощь. Спустя минуту к Берно подошли двое мужчин и уложили его на пол. Рядом с ним присел Мор, продолжая держать его за запястье. Фаталь деловито покругил вокруг собравшейся кучки людей и тоже вышел из зала, встретив на пороге подоспевших врачей.

VII

Вниз стремительно хлынули первые капли дождя. Эстаф лежал посреди улицы, без чувств, бледный, как первый снег. Медленно и тяжело приоткрыв глаза, он увидел перед собой небо, затянутое почти черными тучами, и почувствовал невыносимую головную боль. В висках мощно и ритмично пульсировало, словно внутри кто-то невидимый и очень сильный со всей силы бил в огромные японские барабаны вадалко. Лицо Эстафа искажалось от невыносимой боли. Приподняв голову, он огляделся по сторонам в попытке понять, где он. Магазин одежды справа, кафетерий, трамвайные линии под ногами и вереница домов вдоль улицы постепенно вернули ему сознание. Не в силах двинуться Эстаф увидел молодую женщину, направляющуюся к нему. В следующую секунду боль внезапно прошла, но сразу же, не дав отдышаться, ударила с новой силой. Перед глазами Эстафа все почернело, и он отключился. Большая капля дождя упала на лоб и потекла к глазам.

– Эй, вы в порядке? – издали, затихая, донеслось до уха Эстафа, после чего его разумом овладел сумрак.

В ярко освещенной палате предметы постепенно сфокусировались, и расплывчатый силуэт медсестры, делавшей укол, приобрел нормальные очертания. Эстаф, наконец придя в себя, охрипшим голосом окликнул ее.

– Где я? Что происходит?

– Вы очнулись! Подождите немного, я позову доктора! – ответила удивленная медсестра и побежала по коридору.

Эстаф проводил ее глазами и посмотрел на старика, лежащего на соседней койке. Тот подложил под голову еще пару подушек и принялся гладить свою седую бороду. Заметив, как Эстаф массирует руку после укола, старик решил заговорить.

– Вам больно? – вопрос оказался на удивление неожиданным, отчего Эстаф не сразу воспринял его.

– Простите?

– Вам больно после укола?

– Да, немного затекла рука.

– Я думаю, это несправедливо колоть людям что попало без их ведома.

– Я вас не понимаю, – присев на кровать, ответил Эстаф. – Вы же видите, что вам делают укол!

– Я хотел сказать, что мы не знаем, что именно нам вкалывают.

– Вы не поверите, но это лекарства.

– Да, но лекарства бывают еще и ядом!

– Вы не доверяете медсестрам и врачам?

– Доверяю, – потянул старик, – только это ущемляет права больных. Они должны знать, что им вкалывают в данном случае, или же вскрывать ампулу непосредственно перед пациентом!

– Как в хорошем ресторане с бутылкой вина?

– Почти.

– Если кому и взбрет голову отравить вас, то на ампуле с ядом можно написать что угодно!

– Не спорю, – согласился старик и тут же замолк.

– Вы опасаетесь за свою жизнь или размышления о правах любимая тема разговора? – с улыбкой спросил Эстаф.

– Моя жизнь ничто по сравнению с попыткой сделать мир лучше!

– Да вы философ!

– Может быть... – тихо произнес старик, как будто успел поверить и потерять веру в это утверждение сотню раз.

– Вы сказали о попытке сделать мир лучше...

– Что я сделал для этого? – неожиданно для Эстафа продолжил старик, широко улыбувшись, оголив желтые зубы.

Эстаф не смог выдать из себя ничего и просто покачал головой. Его собеседник повернулся на бок, зажал в ладони бороду и пристально взглянул на Эстафа широкими глазами темно-серого цвета. Старик обладал каким-то добрым магнетизмом и редким мужским очарованием. Морщины на его лице, широкая улыбка и мягкий бархатистый голос приковали внимание Эстафа.

– Об этом сложно говорить, в особенности незнакомому человеку. Мне легче сказать, что я не сделал ничего, чтобы сделать мир лучше, чем рассказывать о поступках, в действительности которых вы можете засомневаться, или счесть меня односторонним человеком, не учитывающим тот факт, что своими так называемыми хорошими поступками я, вероятнее всего, сделал также что-то плохое кому-то другому!

– Согласен. Вы можете ничего мне не говорить. Давайте ограничимся лишь искренними ощущениями в то время, когда мы наедине с самими собой.

– Ну, это уже зависит от уровня требования к самому себе и планки, которую мы или нам ставят.

– И какая планка у вас?

– Думаю, высокая. Но мы можем выяснить это лишь в сравнении. А для сравнения нам нужны критерии!

– И для каждого критерия необходима шкала, ведь правда?

– Да, вы правы! Думаю, чем меньше цена деления этой шкалы, тем глубже мы сможем рассмотреть различия и оценить мотивы, толкающие одного на поступок ценой в три деления, а другого – на четыре, учитывая, что делений может быть сотня тысяч!

Эстаф задумчиво отвернул голову и почувствовал, как хочет на свежий воздух. Взглянув на свое тело, на руки, Эстаф с удивлением заметил, что ощущает их как-то странно, как чужие.

– Что с вами случилось? – вдруг спросил старик.

– Вы о чем?

– Почему вы в больнице?

– Не знаю. Я только недавно очнулся. Мне сделали укол, и мы с вами стали говорить. У меня даже не было возможности спросить у сестры, где моя жена и что со мной случилось.

– Вы ничего не помните?

– Я помню, как сидел на концерте. Следующее, что я помню, как лежал на улице.

– Надеюсь, доктор вам расскажет, – произнес старик.

– Как давно вы здесь? – поинтересовался Эстаф и нажал на кнопку пульта с тонким проводом, вылезавшим из-под матраца.

– Меня привезли прошлым утром. Вы тогда спали.

– Пролетным утром?!

– Да. Вы здесь по крайней мере уже целые сутки.

В палату вошла миловидная медсестра, а за ним и доктор.

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор.

– Как давно я здесь?

– Вы поступили к нам без сознания четыре дня назад.

– Четыре дня?! – вскрикнул Эстаф. – Что же со мной случилось?!

– Мы взяли кровь на анализ, провели тесты, все показатели были в норме. Для нас было странно, что вы не приходили в себя. Мы не можем сказать точно, что произошло, но считаем, что вы пережили эмоциональный и болевой шок в результате какого-то внешнего воздействия.

– Шок... четыре дня... – тихо и рассеянно выговорил Эстаф, приложив ко лбу запотевшую ладонь. – А где же моя жена? Вы сообщили ей?

– Мы нашли у вас в пиджаке документы и выяснили ваш телефон. Но, к сожалению, никто не отвечал на наши звонки.

– Мне нужно домой! – растерянным голосом произнес Эстаф, одним махом скинув с себя одеяло.

– Вам рано вставать!

– Я отлично себя чувствую, мне надо домой, вы слышите?

– Успокойтесь, пожалуйста. Пока вы находитесь под наблюдением, – пытаюсь удержать Эстафа, скомандовала сестра.

– Хорошо, скажите, когда я смогу выйти отсюда?

– Я не могу вам ничего обещать.

– Прошу, доктор, осмотрите меня! Я чувствую себя превосходно, понимаете? – умолял Эстаф.

Сестра положила руки в карманы халата и задумчиво посмотрела на доктора.

– Эй, доктор, – вмешался вдруг старик, – может, он на самом деле здоров.

– Хорошо. Только не вставайте. Я скоро вернусь, – ответил доктор и вместе с медсестрой покинул палату.

– Вы действительно хорошо себя чувствуете? – поинтересовался старик.

– Да!

– Я тоже чувствую себя хорошо, но мне некуда идти. Да и не к кому, – печально произнес старик, и его глаза сделались грустными.

– Вы живете один?

– Да, – чуть слышно произнес старик, словно хотел сказать больше, но передумал.

– Как ваше имя?

– Виланд!

Старик вновь погладил бороду, помассировал лицо, уши и шею и беспомощно опустил руки вверх ладонями, густо и глубоко исчерченными линиями. На мизинце блеснул перстень с темно-бирюзовым плоским камнем, окруженным мелкими камнями.

VIII

Эстаф ступил на тротуар, оставив позади дверь больницы, порхающую внутрь и наружу словно крыло. Потрясение, которое он испытал полчаса назад, подойдя к зеркалу, ничуть не ослабло. Эстаф был полностью растерян, сбит с толку и с остервенением пытался оживить свою память, пытаясь понять, что с ним произошло и почему у него другая внешность. В карманах куртки он нащупал незнакомые ключи, несколько купюр и документы на имя Эстафа Нойманна. В руке он крепко сжимал конверт, который старик попросил передать по адресу, написанному внутри. Конверт был не запечатан. Наощупь внутри лежало что-то крепкое, выпирающее и еще что-то из плотной бумаги. В голове кружились слова старика, которые он произнес при прощании.

...Когда на твои плечи сядут смута и сомнения, найди скрипача и послушай его – это поможет тебе!.. Что это может значить? Что произошло, и почему я здесь? Где Афина? Кто надругался над моим телом?! Кто дал мне то, что мне незнакомо, сменил мою оболочку? Кто?

Эстаф глубоко вдохнул свежего воздуха. Это утро казалось необыкновенным, не похожим на все предыдущие. Несмотря ни на что, отгоняя сплошной поток вопросов, Эстаф, словно юнец, не придающий серьезного значения всему, что с ним происходит, представлял в уме Афины, тоскующую по нему. Ожидание предстоящей встречи окрылило и непроизвольно растягивало рот в широкой улыбке. Эстаф смотрел по сторонам, вглядывался в лица прохожих и слышал каждый звук – проезжающих машин, стуки каблучков, пение птиц, шелест листвы от прохладного ветра. Все казалось перерожденным в его сознании и заново осмысленным. Не желая медлить, Эстаф быстрым шагом направился домой.

Купив на углу дома букет хризантем, Эстаф поднялся наверх и остановился перед дверью. Сердце сжималось в груди. Поправив волосы и, оглядев цветы, он позвонил. За дверью было тихо. Эстаф подождал минуту и позвонил еще раз. Рефлекторно опустив руку в карман брюк, он ничего не нащупал, но в ту же секунду услышал легкий рокот замка. Дверь слегка приоткрылась – ее удерживала цепь. В промежутке показалось женское лицо, заплаканное и уставшее.

– Доброе утро!

– Простите? – осипшим голосом произнесла Афина.

– Открывай. Я принес тебе вот это! – словно не расслышав, проговорил Эстаф, приблизив букет к проему.

– Вы кого-то ищите?

– Да, свою жену, Афины! – ответил Эстаф, поддерживая, как ему казалось, эту игру.

– Я Афина, но кто вы такой? – с интересом и настороженно спросила Афина.

– Дорогая, ну хватит, открывай!

– Простите, но я не понимаю ваших шуток. Вы, наверное, ищете другую Афины.

Дверь неожиданно для Эстафа захлопнулась. Афина устало прислонилась к двери и прикрыла глаза. Эстаф, стоя с другой стороны, пришел в изумление.

– Афина, ну хватит! Что происходит? – чуть громче обычного произнес Эстаф, постучав кулаком по двери. Дверь снова отворилась, и в проеме вновь показалась Афина.

– Послушайте, если вы сейчас же не уйдете, я вызову полицию! У меня горе, оставьте меня в покое! – холодно произнесла Афина, хлопнув дверью.

– Афина! Афина!! – ударив кулаком по двери, вскрикнул Эстаф. – О каком горе ты говоришь?! Тебе нельзя волноваться, это повлияет на ребенка!

Афина, стоявшая у двери, резко обернулась и, судорожно повернув замок, распахнула дверь.

– Откуда вы знаете о ребенке?!

– Афина, ну хватит, я...

– Кто вы такой?? Что вам от меня надо? – неожиданно закричала Афина, и из глаз ее брызнули слезы.

– Что здесь происходит? Что вообще случилось? Я четыре дня лежал в больнице... Что с тобой за это время случилось? Почему ты не брала трубку, почему не приезжала?! – размахивая руками, кричал Эстаф. Букет рисовал в воздухе немыслимые фигуры, следуя за движениями руки. Из букета вырвался один цветок и упал на землю.

– Как ваше имя?

– Афина, открой дверь! Тебе плохо, давай вызовем врача! – потребовал Эстаф.

– Хорошо, только скажите, как ваше имя?!

– Берно! – с привычной интонацией ответил Эстаф.

– Если вы Берно, то назовите дату нашего знакомства!

– Два года назад, пятого сентября!

Афина вытерла слезы с лица. Ее лицо вмиг стало серьезным, и Эстафа насквозь пронзил ее презрительный взгляд.

– Это уже не смешно, Афина!

– Берно умер! Уходите!

– Что? – перепросил Эстаф.

– Берно умер! – с трудом выдавливая из себя слова, повторила Афина и снова захлопнула дверь. Из глаз опять потекли слезы.

– Я не умер, родная! Я здесь!! – выдавил Эстаф, почувствовав, как теряет самообладание. – Открой эту чертову дверь!!

В следующую секунду Эстаф истошно закричал и всем телом ударил о дверь. Цепочка выдержала удар. Афина отшатнулась на шаг назад и закричала. Влетев в комнату, она схватила с тумбы рамку с фотографией. В это время из прихожей раздался громкий треск. Послышалось, как цепочка отлетела, и дверь с размаху отворилась. Афина выбежала к двери. Эстаф уже стоял внутри с цветами в руках, направляясь к ней. Страх овладел ею. Афина стала пятиться назад, выставив перед собой на вытянутых руках рамку с фотографией.

– Вот это Берно, слышите?! Это Берно!!

Эстаф остановился. В шаге перед ним стояла Афина, держа в дрожащих руках фотографию. На лбу Эстафа выступил пот. Отбросив на пол букет, он взял в руки рамку и стал вглядываться в лицо на фото. Во рту пересохло, и сказать что-либо стоило ему больших усилий.

– Да, это я. Со мной что-то произошло, моя внешность не такая, как была раньше!

– Прошу вас, – плача, выдавила Афина, – уходите!

- Я спрашиваю, кто я такой?! Что случилось со мной? – громко потребовал Эстаф.
- Я не знаю, кто вы. Но это мой муж, Берно, он умер несколько дней назад!
- Несколько? А точнее?
- Четыре!

Эстаф почувствовал, как у него закололо в сердце. В голову, словно цунами, хлынули сотни мыслей и догадок. Он был обескуражен и чувствовал, что запутался окончательно. Но возникла уверенность, что за всеми этими совпадениями и происшествиями стоит нечто большее, чем простое недоразумение.

– Четыре... – тихо повторил Эстаф и пошел к выходу. Закрыв дверь на замок, он вернулся к Афине.

- Что вы делаете? – испуганно спросила она.
- Дорогая, успокойся, прошу! Садись, давай разберемся во всем!
- Уходите! Я вызову полицию!!

Афина бросилась к телефону, но прежде чем она дотянулась до трубки, Эстаф схватил ее и оттащил к креслу. Не в силах сопротивляться Афина заплакала и покорно упала в кресло, закрыв лицо руками. Эстаф присел на полу напротив нее и, продолжая держать в руке рамку с фотографией, попытался заговорить.

– Афина, я не знаю, что случилось. Но думаю, когда я лежал в больнице, ты могла подумать, что я умер. И... и... возможно... у тебя настолько сильный шок, что ты не узнаешь меня! – произнес Эстаф, тут же поймав себя на сказанной глупости. – Какой бред, я ведь правда не похож на самого себя.

– Я была на похоронах мужа, вы понимаете? Я видела, как его опускали в землю! – чуть спокойнее проговорила Афина. – Вы назвались Берно и знаете нашу с ним дату знакомства, но это не дает вам права издеваться надо мной! Прошу вас, оставьте меня в покое!

– Ну хватит!! – закричал Эстаф. Встав на ноги, он нервно зашагал по сторонам и положил рамку на стол. – Э... э... Как-то я подарил тебе статуэтку, она стоит в гостиной на камине... Мм... Во время нашей поездки по Франции мы поднимались на склон, и наш фуникулер остановился над глубоким ущельем. Ты сказала, что боишься, а я обнял тебя и сделал предложение.

После этих слов Афина опустила руки и исподлобья посмотрела на Эстафа. Тот, заметив ее реакцию, решил не останавливаться.

– На твоём теле есть родимое пятно в форме чаши. Мы зачали ребенка в коттедже за городом, где иногда проводим выходные. Он должен родиться через семь месяцев.

- Где мы в последний раз были? – спросила Афина.
- На концерте!
- Как называлось произведение?

Эстаф с минуту помолчал, пытаясь вспомнить название. Его рука опустилась в карман брюк, и кончиком пальцев он дотронулся до скомканного конверта.

– Я не помню!

– Жаль, – тихо ответила Афина и встала с кресла. Подойдя поближе, она продолжала смотреть глазами, полными тоски и легкого отвращения.

– Извини, что не запомнил этого. Моя голова пытается найти хоть какие-то разумные ответы на возникшую ситуацию! – прошептал Эстаф, пытаясь донести, насколько он растерян.

– Я, похоже, сплю! Не могу понять, что со мной происходит. Я отлично соображаю и все понимаю, но не знаю и не узнаю вас! – сказала Афина, вытерев слезы. – Тебя. Но знаю наверняка, что хочу побыть одной. Прошу!

Эстаф помассировал пальцами переносицу и громко выдохнул:

– Пожалуй, я пройду пешком... Может, появятся мысли... Или...

Оставив фразу недосказанной, Эстаф вышел из квартиры и спустился на улицу. В груди сжималось, словно под металлическим прессом. Он все еще не верил в происходящее и не мог дать объяснения поведению Афины. Лицо человека на фотографии маячило в памяти, казалось его собственным, хотя он никак не мог уловить связи с ним или определить его место рядом с собой. Эстаф закрыл глаза, глубоко вдохнул и попытался успокоить себя. Ему вспомнился момент из детства, когда он сидел на скамейке и наблюдал за тем, как на другой стороне улицы стояли его родители и ссорились. Обильные жесты их рук выписывали в воздухе круги и острые стрелы. Эстафу запомнилось то непонимание и страх, которые вызывали в нем раздраженные лица родителей, будто ненавидевших друг друга. Ему казалось в этот момент, что они совсем его не замечают и не помнят об его существовании. Его, маленького, до смерти напугала мысль, что если он не даст о себе знать, родители забудут его или же не вспомнят о нем больше никогда. Он встал со скамьи и подбежал к ним, прервав ссору родителей своим присутствием.

Эстаф вытащил конверт из кармана и заглянул внутрь. Там лежало несколько листов бумаги, сложенных пополам, и еще крохотная клейкая бумажка, на которой был написан адрес. Эстаф огляделся, определил направление и двинулся вперед. Дорога лежала сквозь парк, где всегда отдыхало большое количество людей. До боли знакомый и любимый парк, в котором Эстаф некогда играл в футбол, за последнее время рассматривался им уже как отличное место для прогулок с ребенком, которого он ждал больше всего на свете. Пешеходный переход через улицу, низкий и местами раздробленный бордюр, калитка с замком, которая никогда не запиралась, и Эстаф уже был в самом парке. С каждым шагом он начинал чувствовать, как к горлу подкатывает тяжелое, свинцовое напряжение. В какой-то момент, стоя посреди парка и наблюдая за окружающими, Эстаф вдруг ощутил настолько сильное чувство одиночества, что ему не хотелось дальше жить. Он остановился. Ступив на сочно зеленый газон, он безвольно стал наблюдать за группой мальчишек, играющих в футбол, а затем за женщинами, прогуливающимися со своими детьми. Он обращал внимание на каждого в отдельности и замечал на лицах людей радость и завидовал их желанию жить. У него возникало ощущение, что он находится там лишь мысленно, но не телесно. Эстафа угнетало некое щемящее и давящее чувство, что эти проявления нормальной жизни неожиданно обошли его стороной, и он превратился лишь в стороннего наблюдателя. И чем больше он это ощущал, тем сильнее давило это чувство полного, абсолютного одиночества.

Эстаф ускорил шаг. Не в силах более видеть это невыносимое представление, которое устроила жизнь – в настоящем и желанном смысле этого слова, Эстаф стал тихо напевать песню, любимую с детства, и представил себя гуляющим здесь со своей семьей. Он представил яркий солнечный день, себя с Афиной и малышом сидящими на траве под тенью какого-нибудь дерева. Он видел ее счастливые глаза и чувствовал ее нежные прикосновения. Приятные образы успокоили Эстафа и придали ему сил. Вскоре, пройдя сквозь парк, он перешел улицу и подошел к ступенькам. Поднявшись по ним, Эстаф негромко прочистил горло и постучался в дверь.

На пороге дома показался высокий седовласый мужчина в белой рубашке, лет семидесяти. Он внимательно осмотрел гостя и молча протянул руку. Эстаф сразу понял, что от него просят, и протянул конверт. Старик развернул содержимое и, не задерживая, жестом пригласил внутрь.

– Берно. Или Эстаф. Даже не знаю, как вам больше нравится! – сумбурно представился гость.

– Гаспар! – отрезал хозяин.

– Надеюсь, я не помешал! – любезничал Эстаф, чувствуя некоторое волнение.

Старик не ответил, а лишь отрицательно качнул головой. Лицо его было настолько непроницаемым, что Эстаф решил помолчать и ждать действий от хозяина. Тот жестом показал

ждать в прихожей и удалился в другое помещение. Эстаф принялся осматривать это странное на первый взгляд жилище. В углу стоял красный торшер, создавая интересное освещение, а вокруг и под ним были расположены многочисленные вазы, стоящие на круглом столе, на комодке слева, на полках, прибитых к стене, и возле кожаного пуфика. Бордовый ковер, покрывающий весь пол, создавал уют. Особо привлекло внимание Эстафа непомерное количество зелени по всему периметру комнаты. Здесь и олеандр, с потрясающими ярко-розовыми цветами, и лимон, и мирт, и много другой растительности, сделавшей помещение похожим на теплицу. Гаспар появился и жестом пригласил пройти. Эстаф последовал за ним, и они зашли в комнату, плотно обставленную разного рода сувенирами и безделушками. На глаза сразу попала икона в самом углу, висящая прямо под потолком.

– Вы православный? – полюбопытствовал Эстаф.

– Ну что вы! У меня бывают разные гости – это для них! – ответил Гаспар и указал на кресло с откидной спинкой.

Эстаф последовал указанию и удобно расположился в кресле. Страстно желая понять, зачем он это делает и что происходит, Эстаф неловко откашлялся и невнятно промычал вопрос. Поймав неодобрительный взгляд Гаспара, он не решился переспрашивать, отдавшись на волю Гаспара. Тот присел на стул рядом и поднес на ладони керамическую пиалу с бесцветной жидкостью внутри. Предвосхитив вопрос Эстафа, Гаспар произнес.

– Выпить все, до дна. Это поможет тебе. Я буду все время здесь, рядом!

Гаспар оставлял впечатление настолько волевого человека, что Эстафу вмиг расхотелось спросить о чем-либо еще, и он покорно выпил сладковатую жидкость. Гаспар зажег свечи, задвинул плотные шторы, и комната погрузилась в темноту. Эстаф закрыл глаза и стал всматриваться в темноту. Пытаясь поймать первые признаки воздействия принятого средства, он стал внимательно прислушиваться к своему организму. Руки расслабленно лежали на подлокотниках кресла, ноги растянулись по всей длине реклайнера, голова мягко откинулась на спинку. Через несколько минут Эстаф почувствовал приближающийся сон, появились первые признаки эффекта – участилось сердцебиение, и в голове стало слегка пульсировать. Эстаф поймал себя на том, что он медленно убирает руки с подлокотников и скрещивает их на груди. Возникло ощущение дискомфорта, стремительно перераставшего в страх. Эстаф открыл глаза и увидел перед собой Гаспара, который, поймав его взгляд, незаметно улыбнулся. Проведя ладонью перед своими глазами, он дал команду закрыть глаза.

– Не открывай глаза, – прошептал Гаспар. – Дыши размеренно и свободно, не бойся своих ощущений, прими их.

– Мне страшно, – прошептал Эстаф, неохотно закрыв глаза.

– Поддайся страху, не сопротивляйся ничему и вскоре ты перейдешь в другую фазу своего сознания, в другое измерение.

Эстаф собрался с силами, заставив себя последовать полученным рекомендациям. Чувство страха на мгновение застыло и через минуту ослабло. Сразу после этого перед глазами стала медленно проявляться картинка. Эстаф чувствовал, что, оставаясь в сознании, мог открыть глаза и увидеть окружающий мир, но не хотел этого делать. Картинка становилась все четче, пока полностью не поглотила его.

IX

Эстаф увидел себя, сидящим на стуле. Вокруг было темно, и лишь некоторая часть пространства – он на стуле – была освещена невидимым источником света. Свет был мягок и рассеян, отдавал теплом. Эстаф поднял голову вверх в надежде увидеть этот узкий луч, так камерно освещавший его, но глаза видели лишь тот же мрак. Эстаф опустил голову и посмотрел на колени, на которых лежали руки. Казалось, нужно так много сил, чтобы выполнять самые простые операции. Медленно переводя зрачки с одной руки на другую, Эстаф осматривал их с таким интересом, словно впервые стал замечать детали, которых раньше не мог видеть. Узоры на коже, выступающие вены, форма пальцев – такие знакомые и в то же время настолько неузнаваемые, что он поднял их и потер друг о друга, пытаясь ощутить их как прежде. Ладони сомкнулись, пальцы сплелись в замок, и Эстафа вновь посетило тревожное чувство. Контакт оказался непредсказуемым. Прежние ощущения словно переродились во что-то новое и неизведанное – эти, самые привычные и ожидаемые, ощущения были уже другими. Эстафу хотелось понять, что же с ним происходит и что будет со всеми иными телесными ощущениями, которыми полон его каждодневный быт, но вдруг резко ощутил неконтролируемое чувство беспомощности и беспросветного отчаяния. Внутри стало пусто и холодно. Словно отделившись от самого себя, от своего я, Эстаф стал замечать, как из него словно воздух испаряется все его самосознание. Все его мысли, крепившиеся, как гвозди, за ориентиры, что были такими узнаваемыми и предсказуемыми, постепенно расплылись и отделились, оставив лишь понимание чего-то важного, что происходит с ним в эти минуты. Все жизненные представления, сформированные годами, рассыпались, как песок, оголив базовые ощущения. Эстаф ощущал их настолько ярко, что страх отошел на второй план, уступив место какой-то силе, вливающей в его сознание, в его разум, в его клетки странный и мистический мир. Постепенно привычное «я» отделилось и сдалось перед натиском завоевателя, поместив в специальном месте его разума бестелесный дух, создание вне привычного понимания, который принялся управлять и дирижировать всем процессом. Как только исчезли все попытки внутреннего сопротивления, Эстаф ощутил странное и приятное чувство – вся его сущность сдалась и отдалась воле сил, управляющих его оставшимися мыслями и действиями.

Эстаф поднял голову и посмотрел перед собой. Перед ним медленно, словно испарившись, исчезала часть стены, за которой становился виден длинный узкий коридор. По стенам висели небольшие лампы, освещающая пространство вокруг, и картины под ними – на каждой стене по две друг напротив друга. Стены и пол, были сочно-черного цвета и затянуты бархатной тканью. Лампы горели красноватым светом, который постепенно начал становиться ярче и перешел в желтый, еще сильнее осветив коридор. В конце коридора вдруг зажегся свет, и Эстаф увидел по ту сторону большое круглое помещение. В самом конце его, прямо по линии, висела большая позолоченная рама с чистым, без изображения холстом. Эстаф приподнялся и медленно зашагал вперед. Три шага, и он вошел в коридор. Дойдя до первой картины, он остановился и только повернул голову, чтобы посмотреть на нее, как вдруг изображение пропало. Эстаф отвернул голову, но краем глаза заметил, что изображение вновь появилось. Снова взглянув на картину, Эстаф увидел лишь чистый холст. Дотронувшись до него и ощутив приятную поверхность холста, Эстаф пошел дальше. Изображения на остальных картинах при попытке взглянуть на них так же терялись. Игра в прятки манила и увлекала, несмотря на всю свою диковинность и странность. Любопытство взяло верх, и Эстаф решил исследовать следующий зал.

Коридор остался позади, и он шагнул в большое круглое помещение диаметром около тридцати метров и с высоким потолком. Помещение оказалось жутко темным, и не было видно ни единой детали. Исключением была огромная рама, освещенная внутренним источником света. Изображение на холсте отсутствовало, даже когда взгляд не останавливался на нем. Лучи света из коридора не попадали сюда вовсе, тем самым отчертив границу между помещениями. Эстаф уловил странные, похожие на благовония запахи, смешанные с каким-то букетом из нескольких цветочных ароматов. Эти запахи придали крови энергии, отчего она забурилась во всем теле, отдавая жаром в голову и в кончиках пальцев. Стало жутко от дезориентации в этом непонятном пространстве. Эстаф повернулся и увидел свой стул, стоящий прямо за ним, а не на том конце прохода, где он был ранее. Повернувшись лицом к коридору, Эстаф дотронулся до стула и приподнял его. Внезапно сверху послышались звуки, и помещение залилось неярким светом. Эстаф поднял голову. В центре висела люстра, освещавшая поверхность длинных и тяжелых черных бархатных полотен, свисавших с самого потолка до пола. Резко обернувшись,

Эстаф ужаснулся увиденному и отпрыгнул назад – слева от большой рамы, в метре от стены, стоял деревянный постамент, на котором был помещен гроб.

Окаймленный бархатом алого цвета, он сиял сочным и агрессивным цветом, раздражая глаза и наводя жуткий страх. В гробу лежало тело, до пояса прикрытое восточным ковром. Эстаф оцепенел от ужаса и был близок к потере сознания. Сердце безудержно колотилось готовое разорваться от неожиданности и страха. По телу побежали мурашки, ноги словно парализовало. Эстаф стал слышать вокруг какой-то низкий гул, усиливающий ощущение дикого и экзистенциального, некоего космического ужаса. Широко раскрытыми глазами Эстаф уставился на гроб и боялся пошевелиться. Во рту пересохло. Время словно остановилось. Эстаф почувствовал резкий запах, столь же сильный, сколь сильным было его оцепенение. Вслушиваясь в мрачный звук, исходящий из всех точек этого пространства, Эстаф почувствовал внутри непреодолимое желание подойти поближе. Сделав шаг вперед, он ощущал усиление внутреннего страха, но не мог противиться следующему шагу.

Подойдя вплотную, Эстаф увидел лицо человека, лежавшего в гробу. Его безмятежное и приятное лицо немного успокоило его и придало мужества слегка наклонить голову и ближе взглянуть в покойника. На его лице был виден шрам под левым глазом.левой рукой Эстаф дотронулся до лица покойного и положил ладонь на его лоб. Кожа была холодной и на ощупь показалась какой-то искусственной. Эстаф поймал себя на мысли, что чувствует себя рядом с покойником спокойно и мирно, и хотя ощущения удивляли своей новизной, ему больше не хотелось поддаться недавнему страху и убежать. Ему вдруг стало казаться, что он должен быть рядом, чувствовать некую связь без возможности описать ее и объяснить словами. Эстаф оглядел покойника с ног до головы и остановил взгляд на ковре таинственной фактуры. Рисунок ковра, пестрящий цветами, приковывал внимание многообразными узорами и поражал своей недоступностью для восприятия. Краски казались настолько нереальными и яркими, что Эстаф отошел чуть в сторону и руками принялся трогать ковер, нежно и осторожно разглаживая его, ощущая ладонью шелковистость и микроскопические полости между каждой ворсинкой.

Свет внезапно начал тихо мерцать, как бывает со старыми лампами или устаревшей проводкой. Заиграла тихая музыка. Казалось, без мелодии, лишь что-то, напоминающее протяжные звуки виолончели. Временами слышался свист ветра, шум леса и искусственные нотки непонятного тембра. Эстаф замер. В памяти всплыли воспоминания из детства. В детстве он ходил по двору, засыпанном большим слоем опавших желтых листьев и вслушивался в их хруст. Буйство желтых, красных и зеленых цветов, их всевозможные комбинации и еще сотни других оттенков запомнились на всю жизнь. Тут же Эстаф вспомнил и свой сон, где он сидел на траве под деревом. Тогда, оглядываясь вокруг, он обнаружил, что он совсем один и что за последнее время не увидел ни единого человека. Вскоре стемнело, но он продолжал там сидеть и наслаждаться каждой секундой пребывания в том сказочном месте. Он глазами выделял каждую травинку, всматривался в каждое дерево, освещенное лунным светом. И был уверен, что нашел свое место в этом огромном мире. Этот сон он видел еще несколько раз, и каждый раз он был настолько реалистичным, что спустя много лет он не мог определить, был ли он реально на том самом месте или это был лишь сон, плод его воображения.

Эстаф медленно водил пальцами по узору, словно вырисовывая его по периметру, закрашивая фигуры пальцами и наполняя их цветом. Казалось, что каждый цвет по-разному ощущался нервными окончаниями пальцев. Белый ощущался мягким и напомнил мать, красный – шелковистым, черный – резким, синий – спокойным и глубоким, пурпурный – ворсистым, а зеленый – необъятным и напоминал сон, где он летал над бескрайним сосновым лесом, временами задевая ладонями верхушки высоченных сосен.

Эстаф отнял руки от ковра, оглядел покойника и посмотрел вправо. Рядом со стулом появился небольшой овальный столик золотистого цвета. Столешница держалась на длин-

ных больших песочных часах. К изумлению Эстафа песок сыпался из нижнего сосуда в верхний. Вдоль всего обода по краю столешницы были выбиты узоры. На столике стояла маленькая чашка с содержимым темно-желтоватого цвета, из которой поднимался едва заметный сизый дым. Рядом с чашкой лежала половинка граната, испещренная бурыми семенами. Спустя секунду до Эстафа донесся резкий запах кофе. Он подошел, присел на стул и взял в руки чашку. Сильный аромат кофе опьянил Эстафа. Сделав глоток, он встал, подошел к гробу и окропил ковер кофе из чашки. Жидкость впиталась внутрь и потекла, оставив небольшое пятно незамысловатого рисунка. Эстаф подошел к столику, взял в руки гранат и поднял над головой. Откинув голову назад, он изо всех сил сжал его двумя руками, и в рот потекла струя сока. Затем Эстаф проделал то же самое и над лицом покойника. Капли сока попали на губы, стекли по лицу и оставили на белоснежной подушке кроваво-красные пятна. Эстаф вернулся к столу и обессиленно присел на стул, уронив гранат на пол. От удара несколько семян отлетели в сторону и легли рядом. Взгляд Эстафа снова остановился на молчаливо чистом холсте. Спустя минуту музыка замолкла, а из дальней части стены в помещение вошла женщина в длинном платье. Эстаф вздрогнул и уставился на нее. Пожилая женщина с собранными в косу черными волосами смотрела на гроб. Словно не замечая Эстафа, она направилась к покойнику, обошла гроб, встала у изголовья и начала тихо плакать, всхлипывая и постанывая. Слезы потекли из ее глаз и ярко засияли отраженным в них светом. Плач становился все более громким и заунывным. Эстаф не в силах пошевелиться, побледнев, просто наблюдал за ней. Его сердце сжималось от неудержимого плача, который становился все более эмоциональным и раздавливающим. Женщина ссутулилась. Прикрывая рукой лицо, она плачем, сотрясающим все ее тело, высвобождала свою скорбь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.